

Ирина
Селиверстова

Нить жизни

Роман

Ирина Селивёрстова

Нить жизни. Роман

«Издательские решения»

Селивёрстова И.

Нить жизни. Роман / И. Селивёрстова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854824-6

Дорогие читатели, эта книга для людей старше 18 лет, а может, для тех, кому за 30. Она должна своими идеями быть в помощь многим, у кого возникают сложные неожиданные ситуации в личной жизни и кому очень хочется разобраться в их причинах. При этом все равно необходимо быть открытыми, жизнелюбивыми, верящими в свои высокие возможности и в близких нам людей. Мы ведь живем, чтобы выйти на новый высокий уровень своего развития!

ISBN 978-5-44-854824-6

© Селивёрстова И.
© Издательские решения

Содержание

1 часть	6
2 часть	41
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Нить жизни

Роман

Ирина Селивёрстова

© Ирина Селивёрстова, 2018

ISBN 978-5-4485-4824-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1 часть

Шел 1999 год, я третий месяц находилась в Латинской Америке. Небольшая, но очень разнообразная по своим природным условиям страна была непривычна мне как городскому жителю своим гигантским горным плато с многочисленными растительными плантациями, высокими водопадами, еще и традициями местных жителей. Я работала исполнительным директором компании «Легендо», которая занималась выращиванием и первичной переработкой растительного сырья для фармацевтической промышленности, а также производством кофе. Мой давний друг владел этой компанией, сам постоянно проживал в Москве, поэтому наши доверительные отношения позволили мне самостоятельно развивать «Легендо», осуществляя оперативное управление, и высылая раз в квартал Дмитрию, так зовут моего друга, отчеты по результатам работы.

К счастью, языкового барьера для меня в этой стране не существовало, так как я учила испанский язык в институте и изначально органично его воспринимала, он выучился, можно сказать, естественным образом. Английский и французский мне приходилось изучать более упорно, но я также неплохо ими владела. По профессии я экономист, а иностранным языкам в моем образовании уделялось высокое внимание потому, что училась в институте международных отношений.

В Латинскую Америку я приехала не ради карьеры или каких-то особых заработков, к сожалению, я просто сбежала на определенное время от ситуации, которая сложилась в моей личной жизни.

В Москве остались два моих сына вместе с моим мужем Виктором, с которым мы договорились, что время моего пребывания в Латинской Америке не превысит одного года, и после этого либо я вернусь в Москву, либо он с детьми приедет работать и жить сюда. Я была очень благодарна своему мужу за бесконечное терпение, понимание и надежду, которые он проявил по отношению ко мне в сложной жизненной ситуации и отпустил одну на целый год на край света. А этому предшествовали, конечно, особые события.

Мой брак с Виктором был вторым, в первый раз я вышла замуж очень рано, в восемнадцать лет.

С Александром я познакомилась, учась на первом курсе института, он учился на втором курсе и был на три года старше меня, так как до поступления в институт служил в армии. Крупные очки и серьезное выражение лица делали его внешне несколько более взрослым, чем он был на самом деле. Его не смущало, что на каблуках высотой одиннадцать сантиметров я становилась выше его, наверное, это даже льстило его самолюбию. Меня привлекала его интеллектуальность и правильная манера общения, в силу чего возникала уверенность в его высокой надежности, еще он сильно ассоциировался у меня с романтикой жизни в арабских странах, так как много рассказывал о прожитых там годах вместе со своим отцом дипломатом и матерью. Его папа умер три года назад в связи с внезапным острым заболеванием. Это было тяжелейшим ударом для их семьи, состоявшей из мамы, бабушки, Александра и его сестры, бывшей моложе брата на девять лет. Я тоже сильно сочувствовала Александру, так как знала, что такое смерть отца, мой папа скончался, когда мне было тринадцать лет. От Александра веяло чем-то не совсем привычным, поэтому я с радостью окунулась в это незнакомое, также пользуясь возможностью выйти из опеки своей мамы. После свадьбы, которая состоялась летом по окончании первого курса, я переехала жить в семью Александра, и так оказалась в новом для себя мире, в который искренне старалась вжиться, чтобы ощущать его своим.

Мать моего мужа Вероника Александровна была своеобразным человеком: частые внешние проявления любви к своим детям сочетались у нее с некоторой отстраненностью от их лич-

ной жизни, а также с прижимистостью. Вероника Александровна часто воспринимала их проблемы как надуманные, а возможно, не хотела говорить по душам. Но так было только с моей точки зрения, сами же Александр и Аня – так звали сестру мужа, считали свою маму самым добрым и прекрасным человеком. Их бабушка была пожилая, но продолжала работать, чтобы помогать семье своей дочери. Она убиралась в организации, расположенной недалеко от дома, и вела домашнее хозяйство. Бабушка Анна была для меня ближе других членов семьи, конечно кроме Александра, хотя долго общаться с ней было утомительно. Она могла часами рассказывать об эпизодах своей жизни тридцати – сорока летней давности, которые то и дело всплывали в ее памяти и вызывали сильный эмоциональный отклик. Бабушка Анна как будто проживала свою жизнь еще раз, пропуская через себя давние события, чтобы проверить, так ли она к ним относится, как в те далекие времена. Она часто разговаривала сама с собой на кухне, когда не находила желающих с ней пообщаться, могла всплакнуть, будучи в этом процессе. Иногда бабушке удавалось залучить меня на кухню и сделать своим слушателем. Тогда, по меньшей мере, час мне надо было просидеть вместе с ней.

Я искренне пыталась вжиться в семью мужа. Мать Саши тоже пыталась принять меня как данность, однако глубинное непонимание друг друга у нас не уходило. Это передавалось Ане, которая, к тому же, испытывала ревность ко мне из-за брата.

В свою очередь, я страдала такими недостатками, как полное неумение и нежелание готовить еду, убирать квартиру. Мне казалась довольно тяжелой стирка вещей мужа, хотя я это делала, получив соответствующие наставления от матери Александра. Моя мама недостатки своей дочери объясняла тем, что не собиралась выдавать меня замуж в восемнадцать лет и поэтому не успела научить ведению хозяйства. Удивительно, но Александра его мама и бабушка никогда не просили выполнить какую-либо, даже самую маленькую работу по дому. Считалось, что это не мужское дело, и так есть, кому этим заняться. Я часто спрашивала себя, нравится ли мне моя жизнь с Александром и его семьей. Однозначно на этот вопрос сложно было ответить, в полном смысле слова счастливой я себя не ощущала, но успокаивалась надеждами на будущее, когда окончу институт и смогу выстраивать жизнь по своему усмотрению. Совершенно неожиданно я забеременела через восемь месяцев совместной жизни со своим мужем, хотя тщательно предохранялась и не планировала рожать ребенка в период обучения в институте. Тем не менее, я очень обрадовалась этой новости, ощутив что-то совсем новое, радостное и необычное в себе. Саша, как мне показалось, тоже был рад. Несколько месяцев это открывшееся обстоятельство нашей жизни не особенно его волновало, так как мало сказывалось на обыденных вещах, а когда беременность почти достигла семи месяцев, и мой округлившийся живот заставил его размышлять о грядущих изменениях, произошли следующие события.

Была середина сентября, стояла теплая и пасмурная погода. Идя от метро к институту, я заговорила с Александром о предстоящем рождении ребенка – он должен был появиться на свет в конце ноября. Александр с тоской в голосе сказал, что в душе еще не готов стать отцом. То есть он станет им, конечно, потому что ребенок все равно родится, но сам он этого пока совсем не хочет. Все это он объяснил как всегда обстоятельно и доходчиво. Мне стало так плохо на душе, как никогда не бывало прежде – прорезалось острое одиночество, как будто меня оставил самый близкий человек. Было обидно, что муж не испытывает радости от ожидания ребенка, и еще не понимает, какой удар своим откровением наносит мне. Я попыталась устыдить его, объяснив, что почти в семь месяцев беременности такой разговор не имеет права на существование, при этом у меня остался горький осадок и чувство внутреннего отдаления от Александра.

Через несколько дней после этого разговора возникла угроза прерывания беременности и меня срочно положили в родильный дом, чтобы избежать преждевременных родов.

С момента моей госпитализации прошло две недели, ситуация вроде бы улучшилась, но неожиданно начали подтекать околоплодные воды и врачи приняли решение стимулировать роды. Я родила ребенка после двенадцати часов стимуляции родовой деятельности. Мальчик был жив, двигал ручками и ножками, но цвет кожи из-за асфиксии у него был сиреневым. Два опытных доктора и акушерка сначала держали ребенка в теплой воде, почти час проводили с ним какие-то манипуляции, успевая при этом подбадривать меня, потом передали мальчика врачу из отделения реанимации.

В моей памяти навсегда осталось яркое воспоминание, как я лежу глубокой ночью в больничной палате в полной темноте, мои соседки по палате спят. Темнота, стоящая вокруг, кажется такой плотной, как будто она имеет собственный вес. Я смотрю прямо перед собой, но не на стену, а через несколько стен, в детскую реанимационную палату, где в кувезе лежит мой ребенок. Он крошечный, родившийся на два месяца раньше положенного срока, не в состоянии сам ритмично дышать, сосать молоко. Я мысленно снимаю с себя энергетический сгусток, в котором находится жизненная энергия, провожу этот мягко светящийся изнутри кокон через стены и одеваю на кувез с ребенком. Моим самым сильным желанием, несравнимым по силе ни с какими другими за всю предыдущую жизнь, было влить жизненные силы в своего ребенка и не позволить ему умереть. Я считала, что и сама вряд ли смогу остаться полноценной в случае его утраты.

По утрам моим соседкам по палате приносили для кормления детей. Мне незачем было вставать в шесть утра с другими мамами, и когда детей увозили на специальной каталке после кормления, я старалась заснуть. Как правило, это не удавалось. В восемь был завтрак, в десять обход врачей. С наибольшим интересом все ждали детского врача, который каждой из женщин говорил несколько фраз про ее ребенка. На следующий день после моих родов врач хотел пройти мимо меня, не останавливаясь. Когда я окликнула его, он сообщил, что ночью ребенок был очень плох, но теперь ему стало лучше, хотя сказать окончательно, что он выживет, еще нельзя. Я с замиранием сердца выслушала каждое его слово, а потом в течение дня только и думала, как попасть к ребенку, чтобы на него посмотреть. Мне этого не разрешали. Мои задачи и интересы после родов свелись к очень простым и ясным вещам – все, кроме состояния ребенка было неважным, просто абсолютно лишним и лишеным смысла. В чувствах тоже был простой выбор – либо надежда, либо уныние. Я изо всех сил старалась не скатываться в состояние безысходности, в чем присутствие моих соседок по палате в какой-то мере помогало и отвлекало от тяжелых раздумий. Они были очень разными – одни с хорошим высшим образованием и с успешным началом в карьере, другие без таких задач в жизни, но с надежными мужьями, хорошо обеспечивающими семью, третьи – студентки, как и я, всего шесть человек. Я чувствовала их внимание к себе и поддержку, за что была им искренне благодарна. Если бы не они, то у меня слезы текли целыми днями. Начиная с подросткового возраста, я плакала крайне редко, считая, что это занятие мало помогает, да и не соответствует сильному типу личности. В той ситуации, в которой я теперь оказалась, многие установки из моей предыдущей жизни начали восприниматься как никчемная шелуха – почти все утратило ценность. Но меньше плакать я все же старалась, чтобы не опускать себя и не отравлять существование своим соседкам. Они общались между собой, делились полезным опытом, если уже имели старших детей; вязали забавные шапочки для младенцев, потому что было начало октября и со дня на день могло похолодать, хотя на тот момент стояло запоздалое, мягкое по погоде бабье лето.

На второй день после родов, вечером, меня приходил навестить мой муж. Наша палата находилась на первом этаже, что позволяло удобно разговаривать через приоткрытое окно. Лицо у Александра было отягощенным. Трудно было прочесть по нему оттенки эмоций, которые он испытывал, но было понятно, что ему тяжело и что он небезразличен к ситуации. Мы разговаривали недолго, я ощутила, что хочу простить Александру тот недавний разговор о его

нежелании иметь ребенка, и забыть об этом, потому что очень была нужна опора в нем как в близком человеке и отце нашего мальчика. Уходя, Александр пообещал навещать меня так часто, как позволят занятия в институте.

Детский врач в следующие дни уже не проходил мимо меня молча, произнося несколько слов о состоянии ребенка, которое еще не имело стабильного характера. Каждой ночью я мысленно относила горящие коконы своему сыну. У меня появилось молоко, опытная медсестра помогла его сцедить и велела сцеживать каждый раз, когда другим мамам приносили на кормление детей. Так прошла неделя.

Однажды, когда я ходила взад-вперед по коридору рядом со своей палатой, чтобы понаблюдать, кто выходит и заходит в детское отделение, то увидела, как открылась дверь, и на пороге появилась медсестра, о чем-то тихо разговаривая с санитаркой. Они обе на меня посмотрели, и я, воспользовавшись их вниманием и, поборов свой страх перед тем, что мне откажут, быстро подошла к медсестре и попросила разрешения посмотреть на ребенка, которого не видела ни разу с момента рождения. Медсестра была невысокой, худенькой, с простым лицом крестьянки, привыкшей к нелегкому труду и с очень светлыми, буквально родниковыми глазами. Видимо, таков был отпечаток на внешности от ее работы. Она, вопреки ожиданию, быстро согласилась выполнить мою просьбу и повела за собой. У меня встал ком в горле от такого проявления доброты, мешая вымолвить слова благодарности. В отдельном боксе, куда меня завели, было трое детей, двое лежали в обычных детских подставках-лотках, как это принято для новорожденных и один – мой, в кувете. Я подошла к кувету и стала жадно, в то же время с надеждой, вглядываться в того крошечного человечка, который лежал за прозрачными пластиковыми стенками с открывающимися отверстиями для рук. Медсестра тоже подошла к кувету, через круглое отверстие поправила пеленку на мальчике, из которой все время пыталась высунуться крошечная ножка с пальчиками в виде бисеринки. На мой вопрос о том, выживет ли ребенок, медсестра спокойно ответила, что сейчас ему гораздо лучше, что он любит покушать – я посмотрела при этом на прозрачную трубочку-зонд, прикрепленную пластырем к щечке, через которую по капелькам через нос поступало молоко. Медсестра добавила еще, что в ее позапрошлом дежурстве ребенок был очень плох, синел ночью из-за судорог, но теперь, бог даст, выживет. Я смотрела на своего ребенка, мысленно желала ему становиться сильнее, быстрее расти, чтобы не было проблем с самостоятельным дыханием и чтобы не было больше судорог. Мне очень хотелось передать сыну свое чувство веры в его полное выздоровление, чтобы он через мою поддержку ощутил, что иначе и быть не может. Стоя возле ребенка, я не нервничала и не расстраивалась, а только всей силой воли желала ему быстрее стать здоровым.

Понимая, что мне нельзя здесь находиться долго, чтобы не подвести медсестру, я поблагодарила ее, взглянула еще раз на кувет с мальчиком и, пока шла по коридору, думала, что в правильном направлении посылала ночью свои светящиеся коконы – ребенок лежал там, где я это себе представляла. То, что я своими глазами увидела ребенка, прибавило мне оптимизма. Я чувствовала, что мне надо быть стойкой и бороться за здоровье своего ребенка, выполнять максимально все, что скажут врачи.

Спустя еще несколько дней, детский врач во время утреннего обхода радостно сообщил мне, что мальчик стал хорошо дышать, что теперь его надо готовить для перевода в детскую клинику, где его будут выхаживать дальше. На вопрос, можно ли ребенка кормить грудью, он ответил, что это случится еще не скоро, но я должна сохранять у себя молоко, чтобы ребенок лучше развивался и не болел.

Это был почти счастливый день, и во мне сильнее укрепилась надежда, хотя тревога не ушла из души. Я даже позвонила маме и попросила приехать ко мне. Прежде я просила ее не делать этого, чтобы не плакать в ее присутствии лишней раз. Мама приехала к вечеру, при-

везла большой пакет фруктов и пакет с испеченными ею пирожками. Она хорошо держалась и несколько раз повторила, что не сомневается, что с ребенком все будет в порядке.

Через четыре дня малыша перевели в детскую клинику, которая находилась по близости с родильным домом. Меня выписали в тот же день, и за мной приехали мама и муж. Мама поздравила нас с рождением сына, отдала мне цветы и деньги на покупку вещей для ребенка, после чего мы с Александром вдвоем поехали домой. Наше с мужем общение было таким же, как и раньше – я не напоминала ему о том злосчастном разговоре, и он не вспоминал о нем, тем более не извинялся. Я немного непривычно ощущала себя вне больничных стен, в которых находилась почти четыре недели, и думала о том, как организовать свое время так, чтобы сцеживать молоко через каждые три часа и с утра отвозить его в клинику, своему мальчику. Когда мы с Александром пришли домой, бабушка Анна встретила нас с пирогом, который испекла по случаю моего возвращения, родные мужа поздравляли нас с рождением ребенка. На вопрос Вероники Александровны о том, как мы хотим назвать мальчика, я ответила, что его будут звать Сашей, как и отца.

На следующий день я поехала в клинику, где находился мой сын, надеясь поговорить с врачом. Наступила уже настоящая осень – прохладная и светлая, давно ставшая моей любимой порой. Прежде именно в это время года у меня обострялись эмоции, и возникало ощущение обновления жизни – душа ждала каких-то волнительных и радостных событий. В этом году осень принесла не просто обновление, а переворот во всем – родился ребенок, и его жизнь была под угрозой, а значит передо мной стояло гигантское испытание в жизни. Но не отчаяние, а надежда и материнская любовь были моими неотступными чувствами. Идя по направлению к клинике по широкому скверу, я втягивала легкими пряный осенний туман, клубившийся невысоко над землей, насыщенный ароматом увядающих листьев и влажной травы. Вокруг стояли огромные старинные вязы и дубы, которые давно смотрели на мир вокруг себя, а теперь, казалось, выделяли меня из потока людей и падающим листком давали понять, что видят меня и дышат вместе со мной, помогая возвращаться к жизни после больничного безвременья. У меня впервые в жизни возникло ощущение близости Бога. Мне не надо было себя спрашивать как раньше, существует он или нет – теперь я его просто чувствовала. Он был единственным, кто знал, каково мне сейчас и единственным, кто мог помочь ребенку и мне, тогда как люди, даже самые близкие, были совершенно в этом бессильны.

Я шла, молилась Богу и обращалась ко всему сущему вокруг себя – к этим деревьям, серому небу, пряному воздуху, чтобы они помогли моему мальчику, дали возможность ему выжить.

Клиника, где лежал маленький Саша, находилась в трехэтажном кирпичном здании и была отгорожена от улицы чугунной оградой и небольшим парком. Я вошла в здание, поднялась на второй этаж и позвонила в дверь отделения патологии новорожденных. Через три минуты появилась медсестра и сказала, что врача нет в отделении, но он сейчас подойдет. Вскоре внизу на лестнице послышались шаги, и я увидела высокого мужчину в белом халате и голубых брюках, какие носят врачи-реаниматологи. У мужчины было молодое и достаточно беззаботное лицо, и я с некоторым удивлением подумала, что это, возможно, и есть врач моего ребенка. Тем временем мужчина поднялся по лестнице, спросил мою фамилию и сообщил, что он будет лечить моего сына. С моей помощью он записал в карте историю болезни ребенка и сказал, что мальчик еще очень и очень слаб и что на его выхаживание понадобится, по меньшей мере, два месяца. После разговора с врачом я отдала медсестре из отделения бутылочку с грудным молоком для сына и поехала домой, чтобы дальше сцеживать молоко в течение дня.

Дома меня встретил абсолютно спокойный Александр, уже вернувшийся к тому времени из института. Я рассказала ему о своем разговоре с врачом, при этом пыталась понять, ощущает он положение дел с ребенком или нет. Мне было очень важно уяснить, продиктовано ли спокойствие мужа его полной уверенностью в благоприятном исходе для нашего сына, или

он просто не хочет осознать серьезность положения. Александр почему-то не пытался поддержать меня морально, не старался успокоить, как должен был это сделать близкий человек. Мне начинало казаться, что у него нет на это душевных сил, а может, он просто не способен тратить их на других людей, даже на меня.

На следующий день я опять поехала в клинику к восьми тридцати утра отвозить грудное молоко. Мне очень хотелось, чтобы скорее разрешили кормить ребенка грудью, ведь это давало возможность часто быть рядом с ним. А до тех пор, пока кормление не разрешат, вряд ли я смогу видеть Сашу.

Подходя с волнением к красному кирпичному зданию, я вдруг ощутила страх и у меня промелькнула мысль, что клетка в табличке, висевшей на стене возле входа в отделение, напротив фамилии моего сына, в которой указывается вес ребенка на сегодняшний день, может оказаться пустой. Я шла и смотрела себе под ноги, на узкую асфальтовую дорожку, и молила Бога, чтобы в клетке стояли цифры. Подойдя к тяжелой дубовой двери, я с усилием ее открыла и поднялась по лестнице. Клетка в таблице не была пустой, но цифры, стоящие в ней, показывали, что вес Саши уменьшился. Я нажала на звонок, и ко мне вышла та же медсестра, что и накануне, взяла бутылочку с молоком. На мой вопрос о ребенке строго ответила, что обо всем мне расскажет врач – Юрий Иванович, но это произойдет не раньше, чем во вторник, потому что этот день отведен для встреч с родителями.

Во вторник? А сегодня только четверг! – на мой вопрос уже некому было ответить, потому что дверь закрылась. Я побрела вниз по лестнице, опять по той же дорожке между деревьями и кустами, потом по улице к метро. Надо было ехать на занятия в институт – я и так их много пропустила.

Ребята и девушки из моей группы, конечно, были в курсе ситуации с ребенком и вели себя по отношению ко мне тактично и настолько доброжелательно, что это трогало меня до глубины души. Они не расспрашивали меня о подробностях, считая, что я сама расскажу, когда малышу станет лучше, я была им очень благодарна за это. Институт своей энергетикой успокаивал меня, укреплял надежду на то, что с моим ребенком все будет хорошо. Видимо, так было потому, что в витавшей здесь атмосфере молодости и самых радужных надежд на будущее, горе и уныние не имели права на существование.

Как только я пришла домой, моя уверенность начала убывать. Александр играл с Анютой в большой комнате, точнее, шумно возился под звуки мультфильмов. Меня он встретил в прихожей, помог снять пальто и опять ушел к Анюте, сочтя лишь ему одному доступным образом, что сейчас не следует со мной общаться. Мне нигде раньше не было так одиноко, я сидела в бабушкиной маленькой комнате и беззвучно плакала под веселую музыку, доносившуюся из-за стены. Ночью я никак не могла уснуть, все лежала и думала о своем мальчике, вновь снимала с себя горящий кокон и вела его взглядом по улицам спящего города туда, к красному кирпичному зданию, где находился мой сын. А рядом спокойно и размеренно дышал во сне мой муж.

Утром я поехала отвозить молоко, цифры в клетке таблицы были прежними, затем отправилась на занятия, и так повторялось каждый день, пока, наконец, не наступил вторник.

Перед дверью отделения патологии новорожденных собрались родители, ждали десяти часов – в это время сюда выходили врачи. Из разговора с другими мамами я узнала, что Юрия Ивановича считают одним из лучших врачей в клинике и что он совсем не так молод, как мне показалось – ему тридцать четыре года. Вскоре вышел и он сам. Я осторожно разглядывала его, пока он разговаривал с женщиной в военной форме – отцом одного из малышей. Юрий имел запоминающуюся внешность – рост около метра девяноста сантиметров, хорошо сложенная фигура, по которой было видно, что он занимается спортом, лицо мужественное, с ямкой на подбородке, с темными карими глазами и достаточно тонким и чувственным ртом. Волосы у него были темными, под цвет глаз. Я бы не смогла точно сказать, почему именно, но мое восприятие этого человека было крайне небезразличным. То ли я от него сильно зависела, так

как в его руках была жизнь моего ребенка, а значит, и моя судьба, то ли он мне нравился как мужчина.

Вскоре Юрий Иванович подошел ко мне и Александру и начал медленно рассказывать о тяжелом состоянии нашего сына. Было видно, что ему непросто давалось это произносить. Я смотрела ему в глаза, пытаюсь увидеть в них ответ на самый главный вопрос – выживет ли Саша? Юрий Иванович отводил свои темные глаза немного в сторону, видимо, не испытывая удовольствия от моего пристального взгляда. Черты его лица сейчас были резковатыми, типично мужскими, той беззаботности, которую я увидела в прошлый раз, не было в помине. Я разглядывала его руки и весь облик, пока не пришла к ощущению, что доверяю ему, что этот немногословный человек, пожалуй, действительно сделает все возможное для моего сына и сам верит в то, что ребенок должен выжить. Юрий Иванович разрешил мне каждое утро приходить в отделение, чтобы сцеживать молоко здесь на детской кухне, в этом случае оно не потребует стерилизации и будет действовать на ребенка в качестве лекарства. Эта новость очень меня обрадовала, и в более просветленном состоянии я поехала вместе с Александром на занятия в институт.

Теперь я еще больше торопилась по утрам в клинику, быстро раздевалась внизу в комнате для матерей и бежала на второй этаж, замирала на несколько секунд перед таблицей со списком детей с цифрами веса и проходила в заветную дверь. Я сцеживала молоко из груди на детской кухне, где постоянно сновала уже знакомая мне медсестра Лида, забиравшая раньше бутылочку с молоком. Она оказалась доброжелательной и общительной, можно сказать, с потенциалом к руководящей деятельности. С моей теперешней позиции было видно, что минусы ее характера – строгое отношение к мамам и резковатые высказывания, оборачивались плюсами для детей, потому что она обеспечивала всем малышам постоянное наличие грудного молока, чтобы не кормить новорожденных искусственными смесями. Проходило минут пятнадцать, и на кухне появлялись другие мамы, которые шли сюда после кормления детей в отделении. Они разговаривали о малышах, кто в какой степени поправился, как себя чувствует, что сказал врач. Я быстро познакомилась со всеми мамами. Больше других мне понравилась Люба, дочурка которой лежала в одной палате с Сашей. Люба каждый раз при встрече рассказывала мне о Сашеньке – если ему было лучше, то подробнее, если плохо – то в нескольких словах. Я узнала от нее, что Юрий Иванович часто оставался после работы с Сашей. Когда он дежурил в реанимации, то несколько раз за ночь приходил проверить состояние детей, которых он вел, и Саши в первую очередь. Точно так же он выхаживал до этого Любину девочку, которая чувствовала себя теперь гораздо лучше и быстро росла. Изредка я пропускала занятия в институте, чтобы сходить вместе с Любой в детский магазин, находившийся в двадцати минутах ходьбы от клиники, ведь так приятно было покупать крохотные детские вещички – они помогали укреплять мою надежду на благополучный исход. Люба во время таких прогулок разговаривала со мной о Юрии, к которому относилась с благоговением, ведь это он спас ее дочку, которую другие врачи готовы были считать безнадежной. От нее я узнала, что Юрий живет за городом, вдвоем с мамой, что семьи у него нет, из-за давней несостоявшейся попытки жениться, и теперь он все время отдает работе.

День ото дня я все больше втягивалась в жизнь шестого отделения клиники – помогала медсестре Лиде на кухне, шила марлевые маски для врачей и медсестер. Я была рада каждой просьбе, лишь бы подольше задержаться в отделении, где находился мой ребенок. Иногда потихоньку от всех я подходила к Сашиной палате и смотрела на его кувез через стеклянную дверь. Однажды после уборки на кухне, когда уже собиралась уходить, я увидела, как Юрий Иванович выходит из палаты моего сына. Я подошла к нему и спросила, как мой ребенок себя чувствует. Взглянув в глаза Юрия, я осеклась на полуслове – его глаза были страдающими, очень уставшими. Юрий медленно стянул с себя маску, открывая почерневшее лицо.

– У него были сегодня ночью судороги, он опять синел, – еле выдавил он из себя.

– Что, мне не на что надеяться? – стараясь говорить как можно спокойнее, спросила я.

– Я этого не говорил. Мы делаем все возможное, что в наших силах.

– Почему были судороги?

– Медицинская наука не может на этот вопрос ответить сегодня однозначно. Считается, что из-за незрелости оболочек на нервах их окончания соприкасаются и дают эффект судорог. Все, что мы можем сделать в таких случаях – это убрать не причину, а следствие, то есть снять судороги.

У меня вновь, как в роддоме, потекли ручьем слезы. Юрий старался не замечать их. Он продолжал объяснять мне возможные причины судорог у ребенка, которые, в конечном счете, сводились к одному – незрелости нервной системы из-за слишком раннего рождения. Я внимательно слушала эти разъяснения, но главное – явственно ощущала, что не одинока в борьбе за жизнь своего сына, что Юрий еще один человек помимо меня, который страдает, мучается от Сашиной боли. А самое главное – помогает моему ребенку, то есть делает то, что не в силах сейчас сделать для него даже я.

Мне стоило больших усилий, чтобы, наконец, сдвинуться с места, попрощаться с Юрием и уйти. Я не поехала в тот день на занятия, а несколько часов проходила по близлежащим улицам, то и дело, возвращаясь к клинике. Я смотрела каждый раз на крайнее слева окно на втором этаже, словно так можно было о чем-то узнать. Что я могла сделать? Любые мои действия в этой ситуации были бесполезны. В моей душе словно полыхало пламя – такой душевной боли, надежды и бесконечной любви к своему ребенку, как в тот день, мне не доводилось прежде испытывать. Я едва вынесла это чувство.

Дома я не стала говорить, что Сашеньке плохо. Я не хотела обсуждать эту тему с родными своего мужа. По внутренним ощущениям мне казалось, что я несу полную чашу с водой, из которой боюсь пролить хотя бы каплю, потому что это может повредить моему сыну. Разговор о его состоянии мог расплескать чашу, поэтому на задаваемые мне вопросы я отвечала односложно, но, к счастью, никто и не настаивал. С мамой я разговаривала по телефону каждый день, но давала только информацию о Саше – о своих переживаниях говорить не могла.

На следующий день я с нетерпением ждала, когда на детскую кухню придет Люба. Вот она, наконец, появилась и еще с порога сказала, что Саше стало гораздо лучше, судорог больше не было. Люба получала подробную информацию от дежурных медсестер, с которыми давно подружилась, ведь ее дочка лежала здесь уже два месяца. В этот момент по коридору мимо кухни медленно прошел Юрий Иванович с запеленатым ребенком на руках. Юрий шел очень осторожно, словно плыл по коридору, при этом неотрывно смотрел на лицо малыша, видимо, страшась причинить ему малейшее беспокойство от движения. При других обстоятельствах я не смогла бы сдерживать улыбки, глядя на эту картину: слишком несовместимой казалась замедленная походка Юрия с его высокой сильной фигурой и длинными ногами, не привыкшими столь плавно передвигаться. Но сейчас меня словно обдало теплой волной – это была нежность, благодарность и еще что-то, для определения которого пока не находилось слов. Даже если Люба не шепнула бы мне, что Юрий несет на физиотерапевтические процедуры моего ребенка, я бы все равно поняла, что это так, потому что все остальные дети в отделении были в хорошем состоянии, и их можно было безопасно переносить.

Прошло несколько дней, и я стала каждое утро с радостью смотреть на цифры в табличке. Вес моего ребенка прибавлялся на удивление быстро. Юрий, наконец, сам подошел ко мне, довольно улыбаясь, сообщил, что кризис закончился, теперь надо рассчитывать на лучшее и приблизительно через неделю начать кормить ребенка грудью. Я стояла против него и тоже счастливо улыбалась. Мне так хотелось покричать от радости, броситься Юрию на шею, но я не могла себе этого позволить и только повторяла: «Спасибо, Юрий Иванович, спасибо».

На этот раз мы опять пошли с Любой гулять. Стояла поздняя осень – ноябрь. Совсем не осталось листья на деревьях, под ногами хрустел затянувший лужи тонкий лед. Не было ни

ветра, ни дождя. Это был один из тех удивительных дней в преддверии зимы, когда вопреки всем законам природы в воздухе носился весенний, пронзительно свежий и пьянящий дух. Люба рассказывала о своей семье, о муже, но то и дело переключалась на рассказ о наших малышах и Юрии Ивановиче. Оказывается, Юрий пел им песни, брал их на руки и медленно расхаживал по палате. Юрий вообще очень трогательно общался с маленькими пациентами, для них у него были самые нежные и ласковые слова, которые малыши, конечно, не понимали, но правильно ощущали. Юрий был для детей не только врачом, он старался быть им еще папой и мамой, ему не было в тягость перепеленать ребенка и покормить его из бутылочки. За это в отделении его иногда называли «папа Юра».

Я молча слушала рассказ Любы и одновременно прислушивалась к себе, с беспокойством и сладкой болью внутри ощущая, что меня тянет к Юрию. Моя душа переполнялась теплотой и благодарностью за его усилия по лечению ребенка, но одновременно ждала от него еще и другого, ждала мужского внимания к себе как женщине и как к личности, которая этого достойна. Мне было ясно, что у меня нет оснований рассчитывать на такие реакции со стороны Юрия, что нет возможности даже намекнуть на свой интерес к нему. В отличие от молодых людей, с которыми я общалась прежде, его нельзя было уязвить шутками, проверить на слабые места и тем самым помочь себе освободиться от эмоциональной зависимости. Юрий был врачом моего ребенка, и его миссия в моей жизни была столь значима, даже свята, что у меня не было и мысли касаться его достоинства или кокетничать с ним. В какой-то момент мне захотелось позвать своего мужа, убежать к нему от этого нового чувства. Я верила, что сумею простить Александру его эгоизм, что он полюбит сына, и мы втроем будем жить счастливо. Но беспокоящий запах весны поздней осенью не давал сосредоточиться на ощущении душевного равновесия, а острое чувство счастья от надвигающейся любви перемешивалось с тревогой за отношения с мужем и за неясность возможных отношений с Юрием. Я испытывала полное смятение чувств.

Ровно через неделю я начала кормить своего ребенка грудью. Саше было полтора месяца, весил он немногим более двух килограммов, но выглядел хорошеньким симпатичным ребенком с круглыми щечками. Отпала надобность в кувезе, Саша лежал в обычной детской кроватке, какие используют в родильных домах. Этот факт сам по себе приводил меня в восторг, когда я приходила на кормление и могла полюбоваться на ребенка. Юрий Иванович по-прежнему много занимался с Сашей, делал ему массаж и часто хвалил его мне: говорил, что он спокойный, терпеливый мужичок. Теперь Саша из предмета постоянного волнения сделался маленьким центром радости для Юрия и медсестер, которые за ним ухаживали. Я, конечно же, была счастлива, улыбка почти не сходила с моего лица. В шесть вечера было последнее кормление детей, после которого я почти бежала в «Детский мир» покупать все то, что требовалось для малыша. Потом ехала домой, стирала и гладила пеленки, чепчики, распашонки. Вместе с мужем мы купили детскую кроватку и коляску. Вскоре все было готово для прибытия маленького Саши домой.

И вот, наконец, наступил этот долгожданный день. Юрий с утра подошел ко мне, широко улыбаясь, и сказал, что может прямо сегодня выписать моего сына. У него была улыбка большого счастливого ребенка, так искренне это получается, наверное, лишь у редко улыбающихся людей и по случаю большой радости. Я побежала звонить Александру, пока тот не ушел на занятия, чтобы купил огромный букет цветов, взял из дома детские вещи и быстрее приезжал в клинику за Сашей и мною. Муж приехал через полтора часа, привез охапку гвоздик, хороший французский коньяк для доктора и большой торт для медсестер. Пока Сашеньку одевали и заворачивали в одеяла, я выясняла у Юрия последние тонкости по уходу за ребенком, каким врачам надо будет показать его в ближайшее время, как часто нужно делать массаж. Мы с Юрием стояли друг против друга, и наши лица сияли: мы были победителями!

– Вы счастливы? – спросил Юрий.

– Да, счастлива! Огромное Вам спасибо, Юрий Иванович, – я протянула ему цветы и, слегка смущаясь, спросила, – Можно я Вас поцелую?

– Можно, – разрешил Юрий.

Я чуть притянула его к себе за плечо и прислонилась губами к щеке. Как раз в это время закончили одевать Сашу. Я взяла его на руки, с чувством радости и новизны ощутив тяжесть своего ребенка в теплом одеяле. Затем я попрощалась с Юрием, пообещав приехать с Сашей, когда ему исполнится год. Я старалась как можно лучше запечатлеть Юрия в своей памяти и пристально посмотрела на него перед длительным расставанием. Затем вместе с маленьким и большим Александром мы поехали домой.

С этого дня время потекло для меня столь быстро, словно неделя была одним днем. Кормления, стирка пеленок, прогулки – это были радостные заботы. Мой муж, в общем, не особенно стремился помогать мне в этих хлопотах, считая их чисто женскими, редко мог встать ночью к ребенку. У меня многие ночи были бессонными – Саша приблизительно на три недели перепутал день с ночью, что часто бывает с маленькими детьми.

Однажды утром Александр собирался в институт, а я приготовилась кормить Сашу. Муж долго стоял перед зеркалом, прикладывая один за другим галстуки, не решаясь выбрать какой-то из них к своему новому серому костюму. Вконец разозлившись, Александр протянул мне дюжину галстуков и раздраженно попросил, чтобы я помогла ему выбрать и завязать галстук. Маленький Саша принялся плакать, и я сказала мужу, что мне сейчас некогда.

– Ты совсем не обращаешь на меня внимания! Тебе нет до меня дела, да и за собой ты тоже не следишь! Как можно так жить?

Александр быстро надел пальто, схватил шапку и, хлопнув дверью, ушел в институт. Я подождала, пока Сашенька, как следует наестся, перепеленала его, положила в кроватку и подошла к зеркалу. Действительно, вид у меня был не самый лучший – волосы неаккуратно причесаны, возле глаз пролегли первые тоненькие морщинки и появились синяки от частого недосыпания.

Я села, держа в руках пеленки, которые собиралась отнести в ванную, и задумалась. Мне стало трудно жить с Александром, и я уже не скрывала от себя, что не люблю его, но он был отцом моего ребенка, хотя и эгоистичным, не любящим его, как люблю я, но отцом. Муж часто грубил мне в последнее время, а я почти всегда пропускала это мимо ушей. Вот и сегодня он опять не понял, что ведет себя эгоистично, может быть, будучи даже не в состоянии этого понять.

Я уже месяц не была на занятиях, хотя вот-вот должна была начаться зимняя сессия, поэтому, наконец, решила переехать к маме, которая сама настоятельно мне это предлагала. Она звала меня к себе сразу после рождения Саши, но я полагала, что Александр не согласится жить вчетвером вместе с ребенком и тещей в небольшой двухкомнатной квартире. Теперь выбора не было, мне надо было иметь возможность нормально учиться.

Муж, к моему удивлению, не стал возражать против переезда к моей маме. Мы собрали наши вещи – по большей части это были детские принадлежности, погрузили их в грузовое такси и вместе с Сашей поехали в нашу с мамой квартиру.

Моя мама работала неподалеку от дома на заводе, производящем электронную технику. Она перевелась на работу во вторую смену, так, чтобы я смогла спокойно ездить на занятия, не беспокоясь за Сашеньку. Александр, как и я, после переезда, аккуратно посещал институт, но дома жил своей отстраненной жизнью. Он очень много, просто запоем читал художественную литературу, при этом у него не возникало вопросов, надо ли гулять с Сашей, мыть его, укладывать спать. Он никогда не сомневался, что это будет сделано мною или моей мамой, и ему не приходило в голову предлагать свое участие и помощь.

Как и прежде время, заполненное занятиями в институте и уходом за маленьким ребенком, летело очень быстро. При этом я часто вспоминала Юрия и согревала себя мыслью о том, что с ним есть договоренность показать Сашу в клинике, когда тому исполнится год.

Очень важным обстоятельством в моей жизни, как и раньше, была дружба с моей институтской подругой Галей, с которой мы жили неподалеку, вместе ездили домой из института, сидели рядом на занятиях. Я была в курсе всех ее жизненных обстоятельств и планов, а она моих. Мне была важна ее эмоциональная поддержка, потому что она была здравомыслящим и склонным к анализу человеком, к тому же, будучи хорошо знакомой с Александром, могла объективно смотреть на его поступки. Гале были ясны причины нашего отчуждения с Александром, она расценивала сложившуюся у нас семейную ситуацию как логично вытекающую из характера и взглядов на жизнь моего мужа, которому, как она говорила, противопоказано иметь семью, а гораздо правильнее общаться с книгами и жить вместе с мамой и бабушкой, которые обеспечивали бытовые стороны его жизни.

В июне я успешно сдала сессию и продолжала почти каждый день ходить с Сашей в поликлинику – один день на уколы, другой на массаж. Из-за этого мы не смогли переселиться на дачу моей тети, где обычно проводили лето, но ребенок все равно подрос за летние месяцы и окреп, и я испытывала по этому поводу настоящую гордость. В сентябре я пошла учиться на четвертый курс, а в начале октября моему сыну исполнился год. Через несколько дней я позвонила в клинику, предупредила заведующую отделением о нашем приезде с Сашей. Она порадовалась нашему предстоящему визиту и сказала, что обязательно передаст эту информацию Юрию Ивановичу. В четверг с утра, как мне было назначено, мы с нарядно одетым Сашей вышли из такси возле чугунной ограды клиники и, держа красивый букет цветов, остановились посмотреть на красное кирпичное здание. Потом я подвела Сашу к той асфальтовой дорожке, которая была столь памятна мне, взяла его за обе ручки, и он пошел по ней быстрыми маленькими шажками, с одобрением приняв возможность самому походить на улице. У меня сжалось горло – мы с Сашей радостно идем по этой вот дорожке, которая раньше была пропитана для меня тревогой за наше существование и болью от едва выносимой ситуации.

Я открыла знакомую тяжелую дверь, взяла Сашу на руки и, поднявшись на второй этаж, позвонила в дверь шестого отделения. Все здесь было так же, как год назад. У двери висел такой же листок со списком детей и их весом. Через минуту вышла Лида, увидев нас с Сашей, всплеснула руками и громко стала звать других медсестер посмотреть на ребенка.

– Саша, какой ты хороший вырос, какой большой! Даша, проходите скорей, раздевайтесь. Сейчас скажу врачам и Юрию Ивановичу, что вы пришли, пусть полюбуются.

Мы разделись в небольшой комнатке – раздевалке для медсестер и зашли в ординаторскую. Вскоре туда собрались врачи и, наконец, пришел Юрий Иванович, который работал теперь только в отделении реанимации. Было видно, что он очень рад увидеть своего бывшего маленького пациента – взял его на руки, разговаривал и шутил с ним. Саша сидел у Юрия на руках на удивление спокойно, по его легкой улыбке было видно, что этот дядя ему нравится, и он готов с ним общаться. Все доктора это заметили и сказали, что Саша узнал Юрия Ивановича, точнее почувствовал, что знает его. Я любовалась на Юрия, который ходил по ординаторской вместе с моим сынишкой на руках, и чувствовала себя в эти минуты очень счастливой. Затем Юрий Иванович и другие врачи осмотрели Сашу, сказали, что он хорошо развивается и видно, что в него вложено много сил с тех пор, как он выписался из клиники. Доктора дали мне рекомендации по приему Сашей витаминов и занятиям с ним физическими упражнениями. Прощаясь, я протянула Юрию цветы и, глядя ему в лицо, вновь резко ощутила, что его притягательность для меня так же сильна, как и прежде.

То, что я увидела Юрия, лишний раз всколыхнуло мои чувства. Я с детства старалась сдерживать свои эмоции или скрывать их, поэтому теперь ходила со своим чувством так, как

будто была беременна им, оно не покидало меня ни на миг, а душа от него млела и болела одновременно. В голове носилось множество мыслей, как найти способ общения с Юрием. Я не забывала, что была замужем, и что Александр был отцом моего ребенка, но точно определить для себя, останусь ли я с ним в случае, если сложатся отношения с Юрием, не могла. Мою влюбленность в Юрия можно было сравнить с неожиданно прорвавшимся водным потоком, который мог разнести и размывать все непрочное на своем пути. Я всерьез взвешивала даже такой вариант развития событий, как оставить МГИМО и пойти учиться в медицинский институт, чтобы иметь в последующем возможность работать вместе с Юрием. Двумя неизблемыми столпами в моей жизни оставались мать и сын, интересами которых я не стала бы жертвовать ни по каким причинам, все остальное я готова была изменить, лишь бы вместить в свою жизнь Юрия.

Через городское справочное бюро я узнала его домашний адрес, а в телефонной справочной по этому адресу мне сообщили номер его телефона. Я решила написать Юрию письмо и признаться в своих чувствах. Это письмо я писала два дня, хотя оно полностью поместилось на четырех страницах из моей студенческой тетради. Хотелось найти наиболее точные выражения для того, чтобы объяснить Юрию свое состояние и ту степень любви, которую я испытываю к нему, а также объяснить, что хоть я не претендую на отношения с ним, но не оставляю такую надежду. В письме я указала свой домашний телефон с мыслью, что он им все-таки воспользуется.

Прошло четыре дня, и Юрий, действительно, позвонил.

– Даша, здравствуйте, это Юрий Иванович.

– Здравствуйте, Юрий Иванович.

– Что у вас произошло?

– Полагаю, что вы знаете, я об этом написала.

– Давайте встретимся. Вам удобно во вторник, в семь вечера?

– Да, удобно во вторник. А где?

– Где вы сами хотели бы?

– Ну, я не поведу вас куда-нибудь пить, в бар, например, – зачем-то сказала я.

– Пойдемте тогда погуляем. На ВДНХ подходит?

– Конечно, я приеду на ВДНХ в семь вечера.

– Хорошо. До свидания.

– До свидания.

Этот разговор произошел в четверг, ждать до вторника было бесконечно долго, поэтому оставшиеся дни я ужасно торопила время. У меня не было эйфории, которую так хотелось бы испытать от чувства достигнутого результата. Вместо этого было ожидание решения со стороны Юрия и неизвестность – что же меня ждет?

Мы встретились на аллее возле ВДНХ. Юрий подошел ко мне со спины, видимо, решил лишний раз поглядеть, что я из себя представляю. Он сказал, что его тронуло мое письмо, в котором он уловил глубокую тоску, испытанную когда-то и им самим. Мне это определение показалось неправильным, ведь любовь дает и сильные радостные переживания, но я не стала об этом говорить. Мы довольно долго гуляли, и я отвечала, насколько могла искреннее, на его вопросы о взаимоотношениях с мужем, рассказывала о Сашеньке, к которому он проявлял самый живой интерес. Объяснила также, кем я буду работать по окончании института и что мечтаю пожить и поработать в Испании, так как испанский – мой основной изучаемый в институте язык. Юрий рассказывал мне про свои студенческие годы. Вспомнил про наиболее яркие отношения с девушками, оставившими, как было видно, глубокий след в его сердце. Их было двое, теперь они давно уже были замужем и имели детей.

Также он с удовольствием рассказывал про свое увлечение спортивным туризмом. Уже около десяти лет он и двое его друзей каждое лето совершали переходы по разным маршрутам через Кавказ, один раз через Карпаты, но в Карпатах переходы оказались легче, чем им хотелось бы. В этом году они путешествовали из Адыгеи в Сочи. Помимо красот природы и отдыха на морском побережье, его сильно впечатлила женщина сорока лет, которая занимала высокий пост в Госплане. Как пояснил Юрий, она очень хорошо сохранилась, ей нельзя было дать ее возраста, а ее общественное положение и заработок определяли высокую степень уверенности в себе. Кроме того, эта женщина оказалась умна и наблюдательна. В Сочи она познакомилась с мужчиной, который сумел, как выразился Юрий, подобрать к ней ключик. Он все это рассказывал к тому, чтобы объяснить мне, что в моей жизни также непременно найдется тот, кто подберет ключ к моей душе, и с кем я буду счастлива. Мне было видно, что Юрий испытывает эмоции при общении со мной, но это даже отдаленно не напоминало интереса мужчины к женщине. Я просто сильно удивила его, и он меня анализировал и одновременно успокаивал, а кроме того, я разобрала тот пласт его души, в котором лежали собственные дорогие ему чувства.

Мы возвращались домой на метро, Юрий вышел вместе со мной и подождал на автобусной остановке, пока не подъедет мой автобус. При расставании он сказал, что я могу звонить ему, если мне будет действительно плохо. Я ответила, что вряд ли стану это делать. Он пожелал мне всего самого доброго.

Как только я вошла в автобус, мне тут же захотелось выскочить из него, бежать вслед за Юрием и кричать ему, что он не может так со мной обходиться, ведь я почти не могу без него. Я посмотрела через оконное стекло в сторону метро, но Юрия там уже не было. Мне оставалось лишь поехать домой и по возможности скрыть свои плещущие эмоции. Это было похоже на ощущение от выпитого вина, терпкость которого затмила другие его вкусовые качества. Дня три после этого были до крайности тоскливыми, но я решила, что спустя какое-то долгое время позвоню Юрию и попрошу его о новой встрече. Я не могла себе представить, что он никогда не ответит на мою привязанность и откажется тем самым от единственной женщины в своей жизни, которая может столь сильно его любить и сделать истинно счастливым.

Прошло время, тоска улетучилась, любовь при этом никуда не делась, она стала моим постоянным состоянием. Время от времени я приезжала к зданию клиники, где работал Юрий, гуляла поблизости, глядя на здание, на окна отделения реанимации. Для меня они были самым притягательным объектом, хотелось заглянуть за них, чтобы увидеть тот мир, в котором живет и работает Юрий. Это было невозможно, ведь окна находились на третьем этаже. Я постоянно прокручивала в голове мысль о том, что следует сделать, чтобы расположить к себе столь необходимого мне человека. Я готова была на любые достижения и преодоления ради близости с ним. Было понятно, что недостаточно быть просто студенткой, пусть и престижного ВУЗа. По всей видимости, на него мог подействовать мой жизненный успех, то есть удачная карьера, высокая должность, недаром же он так впечатлялся от той сорокалетней женщины в туристическом походе. Это что же, еще десять – пятнадцать лет жизни? Может быть, ему откроет глаза повесть, написанная мною или стихи? Если бы я была более продвинута в музыкальном образовании, чем просто окончание музыкальной школы, я, пожалуй, взялась бы за написание крупного симфонического произведения. Два года подряд в день рождения Юрия я приходила в клинику и передавала для него красивый букет цветов и поздравление в стихах, как мне казалось, нетривиального характера, но он ни разу не позвонил после этого.

Между тем, я успешно окончила институт и поступила на работу в одно из внешнеэкономических объединений Министерства внешней торговли, а моя мама к этому моменту вышла на пенсию, чтобы быть вместе с Сашей. Некоторое время я работала инкокорреспонденткой, то есть переводчицей, но довольно быстро у нас появилась вакансия экономиста, на которую меня

перевели. Работа мне нравилась, на начальном этапе она во многом напоминала процесс обучения – получаешь задание, выполняешь в установленный срок и сдаешь руководителю своего подразделения, который вносит необходимые правки и поясняет их. Было ясно, что со мной возьмется, так как я новичок. Это была хорошая поддержка, которая помогла мне встать на ноги как специалисту. Работа, как институт прежде, оказывала на меня самое благотворное воздействие. Именно она постоянно питала мою уверенность в собственных силах – хороший заработок был не единственной к тому причиной. Я вращалась в кругу эрудированных людей, просмотревших мир и знавших себе цену, в основном доброжелательных ко мне, но требовательных в работе. В тот же год на работу в нашу организацию взяли пять других молодых специалистов, и мы тянулись друг к другу, помогали, чем могли. Появились первые планы в отношении карьерного роста, заграничных командировок.

С Александром мы расстались, и он переехал жить к своим родственникам. На повышенных тонах Александр заявил мне и моей маме, что бесконечно устал от наших требований, в соответствии с которыми он должен, приходя с работы, гулять с ребенком, мыть время от времени посуду или ходить по субботам в магазин. Все это – сугубо женские занятия, а то, что он зарабатывает мало денег для семьи и в этом особенно не усердствует, это объективная реальность, к сорока годам он, как и положено, достигнет всего, о чем может сегодня мечтать. С этими словами Александр быстро собрал одежду в большую спортивную сумку, хлопнул дверью и ушел. Мне не только не хотелось за ним идти, но я даже порадовалась про себя, что он пришел к решению оставить нас, потому что нет ничего хуже, чем затягивать разрыв в отношениях.

Мы с мамой не разделяли жизненную позицию Александра, обе старались прилагать максимальные усилия, каждая в своей деятельности. Я к продвижению по работе и зарабатыванию денег для семьи, она к заботе о ребенке и его воспитанию, а также ведению домашнего хозяйства. Раза два после своего ухода Александр приезжал за книгами и вещами, затем наши контакты прекратились, что было для меня большим облегчением. Я объясняла своей подруге Галине, что у меня после ухода Александра родилось ощущение, будто с шеи упал железобетонный крест, который я стойко несла четыре года.

Осенью я вновь решила позвонить Юрию и предложить встречу. Как мне показалось, он был рад моему звонку, расспрашивал про Сашеньку, про мою работу. Ответил согласием на предложение увидеться. Как и в предыдущий раз, мы договорились встретиться через несколько дней, но теперь в парке имени Горького.

Прошло два года с момента нашей предыдущей встречи. Мое сердце трепетало не меньше прежнего, хотя уверенности в себе значительно прибавилось. У меня не было сомнений в том, что я интересная, умная и вдобавок элегантно одетая молодая женщина, общаться с которой почитают за радость многие мужчины у меня на работе. Если Юрий не в состоянии оценить мои достоинства, то это означает единственное – у него серьезные психологические проблемы, которые делают его одиноким и не позволяют полноценно общаться с женщинами, и я здесь ни при чем. Может быть, я даже являюсь дополнительным травмирующим фактором для него. Гордясь собой, что поумнела до такой степени, которая позволила все это осознать, я все равно чувствовала, что мою любовь это не излечило. Как часто бывает, разум приводил веские доводы в пользу отказа от привязанности, но сердце не отпускало светлые и прекрасные мечты о возможных отношениях с Юрием вопреки любой логике, сберегая и лелея их изо всех сил.

Я увидела Юрия в метро, где мы договорились встретиться, но не с первого взгляда его узнала. Он пришел после дежурства, выглядел осунувшимся и старше тридцати семи лет, которые ему недавно исполнились. Он же узнал меня сразу и, как мне показалось, несколько смутился от моего эффектного вида.

Мы шли от метро к парку, и Юрий несколько раз задал мне вопрос, что же является причиной моего столь высокого интереса к нему? Чувство самоуважения в таких случаях не позво-

ляет давать прямые ответы. Мне проще было отшутиться, процитировав Голсуорси, что каприз тем отличается от любви, что длится дольше. Это объяснение не помогло, и он продолжал допытываться, на что я имела неосторожность ответить, что если он не доволен моим отношением, то пусть разочарует меня в себе. Похоже, Юрию было приятно это сделать. Он не скрывал от меня своей усталости, недовольства сложившейся ситуацией на работе – у него резко ухудшились отношения с заведующим отделением. В свой привычный летний поход в этом году он с друзьями не ходил – на Кавказе в горах в годы перестройки пропали те элементы власти, которые существовали прежде, а подвергать себя опасности никто не хотел. Он общался со мной с некоторой усмешкой, видимо ощущая мою внутреннюю уверенность и пытаясь бороться с нею. Я не отказала себе в возможности с этой самой спокойной уверенностью заявить, что пусть не сейчас, так в его пятьдесят лет я обязательно пройму его, и он будет воспринимать меня, как мужчина воспринимает волнующую его женщину. Юрий с упорством ребенка ответил, что этого не произойдет. Наша встреча длилась часа полтора, не более. По телевидению уже не впервые шел фильм «Место встречи изменить нельзя» и в этот день показывали вторую серию. Юрий не считал нужным скрывать от меня, что ему хотелось бы вовремя попасть домой к началу фильма. В общем, чувство разочарования готово было захлестнуть меня, но чувство любви, как и прежде, было сильнее и только укрепляло мое упрямство и стремление добиться невозможного. Так хотелось, чтобы он когда-нибудь полюбил меня, и пусть лучше поздно, чем никогда. Мы расстались со словами, что я буду ему время от времени звонить.

Мне стало ясно, что моя жизнь должна выстраиваться независимо от Юрия. Я хочу быть счастливой в отношениях с мужчиной и буду такой, раз не с Юрием, то с другим человеком. Я обязана сделать счастливым своего ребенка, который должен иметь хорошего любящего отца.

В конце зимы я пошла на курсы автовождения. Меня несколько удивило, что место нахождения автошколы было совсем недалеко от здания детской клиники, где прежде лечился мой ребенок. Вообще говоря, это легко объяснялось, так как авто курсы были при том же медицинском институте, что и клиника.

Я немного опоздала на первое занятие, не более чем на пять минут, так как задержалась на работе. Войдя в учебную аудиторию, поздоровалась с преподавателем и извинилась за опоздание, затем окинула взглядом помещение, чтобы найти свободное место, так как практически все места были заняты. Чьи-то широко открытые глаза с большим интересом посмотрели на меня, будто сказав: «Надо же, какая ты!». Я прошла вдоль того ряда, в конце которого увидела взгляд, и села за предпоследний стол к двум молодым людям – это было единственное свободное место в аудитории, а молодой человек с эмоциональным и откровенным взглядом сидел, получается, сзади меня. Я решила рассмотреть его позже, чтобы не показывать своего встречного интереса. По аудитории пустили анкету, и после того, как я внесла свои данные и передала ее назад, меня окликнул сзади молодой человек, спросив, как сейчас идут дела в школе. Под школой он подразумевал наш институт, оказывается, он окончил его на пять лет раньше, чем я. Так началось наше знакомство с Дмитрием, но он был не тем, кто посмотрел на меня, когда я вошла. Я осторожно начала разглядывать двух его соседей: один был явно не того склада, чтобы демонстрировать яркие эмоции – парень лет тридцати с внешностью, которая выдавала в нем техническую специальность, и второй – с виду мой ровесник с очень надменным взглядом, который он даже не удосужился на меня обратить. Так и осталось неясностью в первый день занятий на авто курсах, кто же на меня так восторженно отреагировал.

Со следующего занятия я познакомилась со своими соседями по аудитории ближе, так как мы общались во время перерыва. Дмитрий работал в Министерстве внешней торговли, в центральном аппарате, был женат и имел сына двух лет. Он был очень общительным, с развитым чувством юмора и обладал при этом неподдельной искренностью и интересом к собеседнику. Внешность его была заурядной, можно сказать, он походил на актера с комическим

амплуа: небольшие светло-карие глаза, несколько вытянутый нос в форме картошки на конце и, временами, глуповатая улыбка. Когда он хотел, включал это свое амплуа на полную мощь, и тогда у меня и у всех вокруг начинались колики в животе от жуткого смеха. В остальное время он был хоть и не слишком красивым, но весьма обаятельным парнем с острым и развитым интеллектом. Соседа Дмитрия по столу звали Виктор, он оказался вполне приятным в общении молодым человеком, от надменного выражения лица которого не осталось и следа. Как я позднее поняла, он, таким образом, отреагировал на меня – что-то вроде защитной реакции. Виктор был высокого роста, довольно крепкого телосложения. Его симпатичное лицо с голубыми глазами и темными, как его волосы усами, носило оттенок чего-то гусарского, а улыбка была то обезоруживающе искренняя, то слегка лукавая. Выяснилось, что он был врачом по образованию и в скором времени оканчивал ординатуру по травматологии и ортопедии. Виктор был симпатичен, от чего я лишь пристальнее и придирчивее разглядывала и анализировала его. Очевидно, он не всегда уютно чувствовал себя под моим рентгеновским взглядом, когда мы вместе выходили на улицу во время перерыва выкурить сигарету, но воспринимал это все равно доброжелательно. Особенно мне импонировало, что он не уклонялся ни от каких вопросов и с готовностью рассказывал о себе.

После занятий мы с Виктором и Дмитрием вместе шли к метро, Виктор при этом, в отличие от нас с Дмитрием, обращал внимание на то, какими фруктами и овощами торгуют с лотков на улице. Когда мы поравнялись с одним из таких прилавков, он сказал, что будь он сейчас один, то обязательно встал бы в очередь за этими помидорами. На наш с Дмитрием вопрос, почему он так этим интересуется, Виктор риторически спросил:

– А почему это должна делать только моя мама?

Меня тронула такая забота о матери и проступавшая за этим любовь к ней. Похоже, Виктор представлял собой нечто особенное.

Начало складываться ощущение, что год, когда это происходило, был каким-то особенным, праздничным. Это касалось целого ряда моментов. Первое – это работа, которая приносила много положительных эмоций. У меня не было сомнений, что я сделаю успешную карьеру, получая при этом удовольствие и от своих функций экономиста и от хорошего заработка. Радовало общение с подругами из института, которое было таким же тесным, как и прежде. Хоть мы работали в разных местах, это не мешало проводить вместе много времени по выходным или вечерами. При этом я почти всегда брала своего Сашу – он был спокойным и доброжелательным ребенком, поэтому не мешал нашему общению. С Виктором и Дмитрием мне тоже было очень приятно общаться. Мы несколько раз вместе выбирались в кино и в кафе, но только по тем дням, когда жена Дмитрия была на дежурстве – она работала терапевтом в одном из элитных стационаров, относящихся к Четвертому главному управлению Минздрава. Дмитрий был, как чувствовалось, хорошим семьянином.

Оказалось, что с Виктором мы жили недалеко друг от друга – в десяти минутах езды на автобусе, поэтому само собой сложилось, что после занятий на курсах он провожал меня домой. Мы разговаривали о многом, что касалось нашего образа жизни, окружения, делились планами на будущее. Когда Виктор подводил меня к подъезду и прощался, то всегда целовал руку, я видела, что он делал это искренне. Виктор вообще держался со мной очень естественно: если говорил что-либо неуместное, например, про свои прежние многочисленные отношения с девушками, то делал это без задней мысли. Мне даже и обижаться было ни к чему, потому что он не обладал таким качеством, как пошлость – просто был искренен, подчеркивая тем самым свое доверительное отношение ко мне.

За неделю до майских праздников Дмитрий сообщил, что приглашает нас с Виктором поехать вместе с ним и его женой в один из хороших загородных пансионатов министерства внешней торговли. Предложение было заманчивым не только из-за хорошей сауны и бассейна,

которыми этот пансионат славился, это была возможность теснее пообщаться, а значит, лучше узнать друг друга и весело отдохнуть. На предложение Дмитрия мы с Виктором, не сговариваясь, ответили согласием. Когда до поездки оставался один день, Дмитрий принес нам путевки и сообщил, что они с женой поехать не смогут – должны в обязательном порядке быть на даче у родителей жены по случаю какого-то семейного торжества. Нас с Виктором это несколько смутило, но от поездки в пансионат мы не отказались, заезд в пансионат был вечером накануне майских праздников.

На следующий день после работы Виктор встретил меня у выхода из здания моего объединения. Мы ехали на метро, затем на автобусе, идущем за город, и так добрались до пансионата «Новые дачи». Это было хорошее подмосковное место для отдыха – с добротными постройками, красивым центральным корпусом и ухоженной территорией. Здесь находились площадки для игры в теннис, бассейн, сауны. Мы с Виктором, как и другие отдыхающие, встали в очередь к администратору для оформления документов, Виктор взял мой паспорт и вместе со своим паспортом и путевкой положил администратору для оформления. Женщина в форменной одежде, лет пятидесяти, просмотрела путевку, удовлетворилась ее содержанием, а в наши паспорта даже не заглянула. Ей было ясно, что отдыхать приехали супруги Новиковы. Администратор протянула нам документы и выдала ключи от двухместного номера. Мы с Виктором, как герои какой-то игры, приняли ее правила, видимо, заранее предвкушая ее развитие и будучи подспудно готовы к этому. Мы осмотрели номер, он был просторным, с двумя кроватями, стоявшими в разных концах комнаты. Затем по очереди переоделись – я в джинсы, он в красивый спортивный костюм и пошли на ужин, а потом гулять по окрестностям пансионата. Я расспрашивала Виктора про его юношеские годы, про жизнь в Москве после переезда из Екатеринбурга, меня в его рассказе поражала полная открытость. С другой стороны, ему нечего было утаивать от меня – в его жизни не было ни неудачного брака, ни безответной любви. Родители Виктора, по его рассказу, были достаточно успешными и современными людьми. Папа долгие годы занимал одну из руководящих должностей на оборонном заводе, мама была директором школы. Так как папа Виктора до его направления на работу в Екатеринбург был москвичом, то пять лет назад родители Виктора переехали в Москву, а в Екатеринбурге осталась их старшая дочь Рита со своей семьей – мужем и дочерью. Виктор с подросткового возраста занимался фехтованием, надо сказать, очень успешно, у него было второе место по Российской Федерации на нескольких молодежных турнирах. Позже Виктор предпочел своему спортивному увлечению медицину. Еще в Екатеринбурге он поступил в медицинский институт, а затем, при переезде в Москву, перевелся в Первый медицинский институт, который закончил два года назад. До окончания обучения в ординатуре Виктору оставалось четыре месяца. В Москве он уже освоился, хотя в первое время ему пришлось несладко. Московские родственники и однокурсники могли эксплуатировать провинциального паренька в свое удовольствие: как Виктор рассказывал, он был безотказным на любые просьбы. Спустя год после переезда, у него возникло ощущение, что это противоестественно, ездить и делать какие-то дела за своих однокурсников или двоюродных братьев. Со второго года жизни в Москве он научился отказывать в наглых просьбах. «К счастью, искренность и открытость характера не пропали у него до сих пор», – отметила про себя я.

Тот вечер в конце апреля, когда мы оказались в пансионате, был почти по-летнему теплым. Полностью распустившаяся, но нежнейшая и чистейшая листва на деревьях наполняла воздух особой мягкой свежестью и ароматами, словно что-то по-детски ясное и теплое витало в воздухе и грелось в розовых лучах заходящего солнца. Природа вокруг меня будто шептала: «Это для тебя, радуйся – у тебя все прекрасно и вся жизнь впереди. Празднуй свою молодость и не сомневайся в замечательном будущем!»

Мы с Виктором гуляли долго, около трех часов. Спать пошли в двенадцать – по очереди разделись и легли каждый в свою кровать.

– Ну что, о чем будем разговаривать? – спросил Виктор.

– Ты имеешь в виду «туда о дружбе, обратно о любви»? – сострила я.

– Только, как ты сама сочтешь нужным, – очень серьезно ответил Виктор.

Я какое-то время помолчала, потом сказала:

– Ну ладно, тогда можешь идти ко мне.

Виктор перешел в мою кровать. Я явственно ощущала исходящую от него внутреннюю теплоту и нежность, чувствовала, как он трепетно обходился со мной, ласково гладил по рукам и голове. Для меня было удивительно, что мы с Виктором перешли к интимным отношениям, хотя прежде даже не обнимались. Но, кроме этого необычного момента, все остальное было как нельзя лучше.

На следующий день мы опять много гуляли, рассказывая друг другу о себе. Это был тот случай, когда мне действительно хотелось слушать рассказы Виктора о детстве, об эпизодах из подросткового возраста, о родителях и старшей сестре. Эти рассказы были наиболее достоверной информацией о самом рассказчике, и я с радостью отмечала по отдельным нюансам, по тем определениям, которые он давал людям или событиям, что мы очень схоже смотрим на мир, а значит, в нас заложено много общего. В Викторе я впервые встретила столь похожего на себя по образу мыслей человека. Меня это радовало и рождало надежды. Вместе с тем, я не собиралась торопиться ни с чувствами, ни с окончательными выводами о том, какими будут наши отношения в последующем.

Еще через день мы вернулись в Москву близкими людьми. Удивительно, мы не испытывали того, что называется страстью друг к другу. Но это было неважно, потому что наша взаимная симпатия была очень сильна, и мы искренне радовались, что узнали друг друга теснее. Мне не хотелось больше мучиться в отношениях с мужчиной, а наоборот, хотелось находить в этом как можно больше радости. Возможно, яркая любовь появится позже, а сейчас если нам радостно, надежно и интересно друг с другом, то это вполне достаточная основа для крепких отношений.

Дмитрий после нашего возвращения из пансионата изнывал от любопытства, но не мог его удовлетворить. И я, и Виктор в ответ на его допытывания отвечали, что поставили посередине номера шкаф, чтобы не стеснять, друг друга, а в целом, остались очень довольны отдыхом. Выражения наших лиц были настолько правдивы, что Дмитрий проглотил эту информацию и, кажется, испытал разочарование.

Вскоре мы сдали экзамены на курсах вождения. Наше общение с Виктором продолжалось, как и прежде, но, однажды, на мое предложение встретиться, высказанное по телефону, он ответил, что никак не сможет сегодня и в ближайшие дни, а позвонит на следующей неделе. Для меня это было совершенно неясным моментом, но, так как ссор у нас не было, анализировать мне было нечего, поэтому просто согласилась созвониться на следующей неделе. Я нашла, чем занять себя в выходные – кроме общения с Сашей и подругами, скроила новое летнее платье из черного шифона с ярким рисунком и подкладкой и принялась его потихоньку шить. Хорошо шить я научилась в школе от знающей и очень требовательной преподавательницы труда.

Виктор позвонил в понедельник вечером, потом во вторник и так каждый день, при этом не предлагал встретиться. Я тоже не считала нужным говорить о встрече, только несколько раз настойчиво спросила, все ли у него в порядке, не произошло ли каких-либо неприятных событий. Виктор отвечал, что все нормально, что позже объяснит причину своего отсутствия. Так прошло две недели. Мне стали приходить в голову мысли, что, по всей видимости, на моем жизненном пути появился еще один мужчина с большими особенностями. Я не давала воли

разочарованию, но в голову невольно приходили сугубо феминистские мысли: помимо того, что я регулярно убеждалась в своем превосходстве над многими мужчинами в интеллекте, в упорстве при достижении целей, то еще и разочаровывалась в их элементарной порядочности. У меня уже не было однозначной уверенности, что так не везет при попытках общаться с мужчинами лично мне. Видимо, странные и слабые характеры стали характерны для части мужского населения нашей страны, значит, социализм подточил мужской генофонд, задавив за несколько десятков лет наиболее ярких и талантливых мужчин, выделявшихся на общем сером фоне. Но мой отец и мой дядя были истинными мужчинами, не может же быть, чтобы такие повывелись вообще, и их нет в моем поколении! Я утешала себя этой мыслью.

Несколько раз мне звонил Дмитрий, интересовался нашими отношениями с Виктором, а также моими делами. Дмитрий порой обращался с просьбами, которые мне было несложно для него выполнить. Просьбы состояли в том, чтобы узнать, не возьмут ли на работу в нашу организацию нового сотрудника, или просил направить кого-либо через наш профком на курсы вождения. Что удивительно, мне каждый раз удавалось это устроить. Говоря про Виктора, я отделивалась общими фразами, зная, что Дмитрий звонит ему иногда лично.

Шитье нового платья было завершено, я мерила его перед зеркалом, когда раздался звонок. Я не сомневалась, что звонит Виктор, так и оказалось – Виктор попросил меня встретиться сегодня вечером.

Ты уверен, что этого хочешь?

Пожалуйста, давай встретимся, мне необходимо с тобой поговорить.

Ну, хорошо, через двадцать минут на углу дома номер шесть.

Я решила пойти в новом платье, заодно показать, что умею что-то делать руками. Оно сидело на мне удачно и стройнило благодаря облегающему фасону лифа и мягко собранной юбке.

В назначенное время я направилась к соседнему дому и увидела идущего навстречу Виктора. Когда он меня узнал, взгляд у него на мгновение стал в точности таким, как при нашей первой встрече в аудитории на курсах вождения – надо думать, платье удалось. Виктор подошел ко мне, поздоровавшись, поцеловал руку, и мы пошли гулять по бульвару. После пяти минут разговора о текущих делах друг друга я спросила, чем все-таки было вызвано его двухнедельное отсутствие. Виктор немного помолчал – было видно, что он подбирает наиболее подходящие слова, после чего сказал, что это время было нужно ему для принятия важного жизненного решения.

У тебя процесс принятия решения требует уединения?

В данном случае потребовал. Мне надо было понять, кем я хочу быть для тебя в жизни.

А почему так остро встал вопрос?

Потому, что я не примерял прежде на себя роль мужа женщины с сильным характером, а также отца ее маленького ребенка. Мне не было ясно, готов ли я видеть себя в этом качестве.

А что, уже пора это решать? Мы с тобой эту тему не обсуждали.

Да, но ведь нельзя жить, не понимая, что ты делаешь и к чему стремишься.

Ты понял, чего хочешь?

Понял. Я не хочу расставаться с тобой. Даже если ты примешь решение, что я не подхожу тебе как спутник жизни, то все равно хочу быть твоим близким другом. На самом деле я хочу, чтобы мы остались на всю жизнь вместе.

Это что, предложение руки? Я не хотела бы с этим торопиться. Разве нам не требуется время, чтобы лучше узнать друг друга?

Требуется. Я тоже так думаю, но очень бы хотел, чтобы у нас все получилось.

Хорошо, давай попробуем.

Мы долго гуляли в тот вечер, держась за руки и радуясь друг другу.

В конце мая погода с каждым днем становилась теплее. В выходной вместе с Галей мы ездили на пляж и брали с собой Сашу. Когда вечером я встретила Виктора, он удивился, что я не позвала его купаться с нами, он тоже время от времени ездил со своими друзьями на тот же пляж. Я старалась сохранить свое привычное общение с подругами в будние дни вечерами или по выходным, чтобы Виктор понимал, что я отношусь к людям, у которых должна быть личная жизнь.

В середине июня я отвезла маму и Сашу на дачу. Затем ездила к ним по воскресеньям с утра, чтобы отвезти продукты и побыть со своим ребенком, а возвращалась вечерами и успевала увидеться с Виктором.

Виктор спокойно реагировал на то, что у меня бывают свои дела, и что я регулярно встречаюсь с подругами. Спустя короткое время я познакомила Виктора с Галиной, мы вместе сходили в кафе и погуляли в центре города. Галя сказала, что Виктор – это лучший вариант мужчины для меня, который она могла бы представить. Такая оценка от взыскательной Галины была мне вдвойне приятна.

В следующую субботу мы втроем поехали на пляж и там случайно встретили двух бывших однокурсников Виктора. Один из них только что закончил ординатуру по урологии, другой по акушерству и гинекологии. У нас получилась довольно большая компания. Мне было интересно наблюдать за реакцией каждого из мужчин на Галю и на меня. Друзья Виктора общались со мной доброжелательно, но не позволяли себе лишний раз разглядывать мою стройную и высокую фигуру, понимая, что я его подруга. Этого нельзя было сказать об их реакции на Галину. Уж очень женственной была ее фигура с тонкой талией, красивой грудью и округлыми бедрами. Ноги были несколько полноваты, что служило причиной Галиных переживаний, но в совокупности с остальными чертами ее фигуры это рождало привлекательный и сексапильный образ. Думаю, что похожее тело было у Таис Афинской, судя по описанию автора одноименного романа. Мы впятером играли в преферанс и, после трех-четырёх партий вместе шли купаться. Когда Галя вставала и направлялась к воде, мужчины синхронно поворачивали голову в ее сторону. То же самое происходило, когда она возвращалась назад к расстеленным на траве покрывалам. Галя усаживалась, скрестив ноги, и брала карты в руки. Дальше мужские рефлексывы исчезали, так как сугубо интеллектуальное выражение лица и хорошая игра в преферанс предупреждали: осторожно, можешь обжечься! Молодые люди вели себя сдержанно еще и потому, что считали выпускниц МГИМО нестандартными для своего круга общения, видимо, им было не очень понятно, что мы из себя представляем. Виктор, как я заметила, тоже несколько раз посмотрел на Галю, но затем его взгляды стали какими-то сугубо платоническими, без особого интереса. Я не сомневалась, что Виктору в душе польстило, что он встретил своих бывших однокурсников, будучи в сопровождении двух таких девушек, как мы, с одной из которых он сам встречался.

Вечером в тот день Виктор остался у меня ночевать. Я была счастлива, что он продемонстрировал мне свое искренне поклонение, по своей сути схожее с тем, которое выказывали в средние века рыцари своим дамам сердца. Улучив подходящий момент, я спросила Виктора, как он оценивает Галину и понравилась ли она ему как женщина.

– Очень умная и целеустремленная девушка, конечно, понравилась, она же твоя подруга.

– Ну, а чисто в сексуальном плане, что ты можешь сказать?

– Могу сказать, что у Гали интересная фигура, на которую приятно посмотреть, но влечения к ней я не испытываю.

– А ты спросил себя об этом?

– Конечно, спросил, это всегда происходит автоматически, но ответил отрицательно.

Почему я должен реагировать по-другому, когда у меня есть такая прекрасная и притягательная молодая женщина, как ты?

После этого дня я поняла, что наши с Виктором отношения углубились. Виктор, когда не был занят в клинике, встречал меня после работы у метро, и мы вместе ехали домой. Заходили в магазин, вместе готовили ужин, гуляли, потом он оставался у меня ночевать. Галя часто приходила вечером, чтобы вместе с нами поиграть в преферанс. Виктор владел этой игрой отлично, поэтому мы с Галей учились у него.

В августе Виктор закончил ординатуру и остался работать врачом в той больнице, на базе которой учился. Он и раньше мечтал об этом, потому что в ней был центр травматологии и ортопедии, и больница долгие годы являлась клинической базой для кафедры медицинского института, а значит, в практику отделений здесь быстро внедрялись новые медицинские методики. Мы отпраздновали окончание ординатуры и начало работы Виктора, пригласив в гости его близкого друга Максима и мою подругу Галю.

За несколько недель, проведенных вместе, мы с Виктором точно поняли, что нуждаемся друг в друге, что нам всегда радостно и хорошо вдвоем, что нет тем, которых мы не можем обсуждать, и нет вопросов, в которых мы друг другу не доверяем. У нас возникла та истинная дружба и привязанность между мужчиной и женщиной, о которой в известной песне говорилось «сильнее страсти, больше, чем любовь». Какая разница, как это называлось, любовь или иначе? Мы не стремились часто использовать слово «любовь», наверное, как и многие, ощущая, что «сказанное есть ложь».

В конце августа вернулась с дачи домой моя мама с Сашей. Саша за лето подрос, немного поправился, но продолжал оставаться хрупким маленьким птенчиком с большой головой и большими глазами. Он еще не полностью догнал своих сверстников по росту и весу, но по интеллекту был более развит, чем многие дети в его возрасте: умел читать короткие слова и решать простые арифметические задачки в пределах десяти. В середине сентября мы с Виктором решили, что ему пора познакомиться с Сашей и договорились в субботу с утра поехать в ботанический сад. День был достаточно теплым и солнечным, я одела на Сашу вязаный комбинезон жизнерадостного салатного цвета и предупредила сына, что хочу познакомить его со своим другом, и что этот дядя добрый, поэтому надеюсь, что он с ним тоже подружится. Ребенок, которому еще не было четырех лет, не возражал, спросил только, как дядю зовут. Я ответила, что его зовут Витя.

Виктор ждал нас на остановке троллейбуса, идущего до ботанического сада. Я подвела к нему Сашу и сказала:

– Сашенька, вот этот дядя, о котором я тебе говорила.

– Здравствуй, Саша, – Виктор присел возле ребенка на корточки, – меня зовут Витя.

Он протянул Саше руку, а тот смущенно заулыбался, и дал свою.

– Молодец, – сказал Виктор, пожимая маленькую Сашину ручку.

Пока мы стояли и ждали троллейбуса, Саша крепко держался за мою руку, чтобы чувствовать себя надежнее. В троллейбусе мы разговаривали с Виктором на разные темы, а Саша старался незаметно разглядывать знакомого своей мамы. Он то подолгу уставлялся на него своими круглыми глазенками, то прятался за мой плащ. Виктор это видел, но старался не смущать ребенка, а дать ему время привыкнуть к себе. Оказавшись в большом и ухоженном парке, в котором мы бывали довольно часто, Саша ощутил себя свободнее, принялся бегать по широким дорожкам, то просто так, то гоня воробьев и голубей. Походив часа полтора, мы присели на большую скамью, я достала термос, дала сыну попить теплого чая. Потом достала из сумки маленькие металлические машинки, в которые Саша очень любил играть. Это были качественно сделанные точные копии некоторых грузовых и легковых моделей, выпускавшихся в других странах, на колесах были шины из очень плотной резины. Эти прекрасные машинки отдал Саше в свое время его отец, а ему их привозил Сашин дедушка, когда возвращался из зарубежных командировок. Саша принялся показывать Виктору свою коллекцию, катая машинки по скамье, Виктор охотно подключился к его занятию. Я наблюдала за этой простой

игрой, улыбаясь и понимая, что Саше таким способом проще знакомиться с другим человеком – часто так знакомятся между собой дети. Наигравшись в машинки, мы опять бродили по парку, кормили лебедей на пруду. Приближалось обеденное время, мы быстро направились к троллейбусной остановке, чтобы успеть накормить Сашу. У подъезда Виктор с ним тепло, по-приятельски попрощался, Саша улыбнулся Виктору на прощание, помахал рукой. Мы продолжали видеться с Виктором практически каждый день.

В самом конце сентября мне сделали замечание в отделе кадров на работе, что я не была в отпуске за отработанный год и предложили путевку на курорт Цхалтубо, в западную Грузию. Я знала, что это курорт с горячими лечебными источниками, от моря находится далеко, практически в горах. Но я не ездила прежде в Грузию, мне было интересно побывать там, тем более что отпуск все-таки был необходим, и хотелось провести его, где стояло лето.

Вскоре я уехала, из разговоров по телефону со своей мамой знала, что Виктор регулярно заходил к Саше, чтобы погулять с ним. Мой отпуск прошел в кругу приятных людей, с ежедневным купанием в минеральной воде, долгими прогулками, но особенно запомнились огромные пещеры в горах со сталактитами и сталагмитами. Когда мой отдых в Грузии закончился, я с предвкушением большой радости поехала в Москву. Виктор встретил меня в аэропорту, было видно, что он счастлив от того, что увидел меня. Мы стояли, крепко обнявшись, и Виктор говорил, что скучал по мне и был искренне рад моему возвращению. Я тоже была счастлива, что мы опять вместе.

Приехав домой, я обнимала маму и Сашу, отдала ребенку гостинцы, которые привезла ему: козинаки и чучхелу – залитые виноградным соком орехи на толстых нитях. Потом отложила из корзины половину лежавших там больших виноградных гроздей в плотный пакет и вместе с бутылкой грузинского вина передала его Виктору, чтобы он отнес домой.

На следующий день Виктор зашел за мной после работы, и мы пошли гулять по бульвару, который тянулся вдоль проезжей части.

– Даша, моя мама просила сказать тебе большое спасибо за виноград, который ты вчера для них передала, – сразу сообщил мне Виктор, – Они хотели бы познакомиться с тобой и приглашают тебя в гости на обед в субботу.

– Немного неожиданно. За приглашение спасибо, я, конечно, приду.

– А почему ты реагируешь с некоторым сомнением?

– Твои родители знают, что мы с тобой общаемся уже довольно долгое время. Но говорил ли ты им, что я официально не разведена со своим бывшим мужем? Мне не хотелось бы услышать упреки в том, что я иду с ними знакомиться как подруга их сына, а сама замужем. Что у меня есть ребенок, им тоже известно?

– Даша, ну что ты спрашиваешь? Конечно, известно, я давно родителям про тебя и про нас все рассказал. Почему они должны быть против ребенка?

– Все родители смотрят на это по-своему. Кто-то категорически не приемлет, чтобы их сын встречался с женщиной, у которой есть ребенок.

– Если бы мои родители именно так смотрели на наши отношения, для меня в данном случае это ничего бы не значило. Я взрослый человек, работаю, поэтому моя жизнь зависит исключительно от моих решений, и мешать мне я никому не позволю.

– Так, так, спокойнее. Радуйся, что у тебя такие позитивные родители, которые готовы считаться с твоими взглядами!

– Знаешь, в нашей семье уже был негативный опыт на этот счет.

– Кого ты имеешь в виду?

– Когда моя сестра Рита вышла замуж, мама вскоре узнала, что она ждет ребенка через четыре месяца, и из-за этого мама сильно заболела. Может, это было совпадение – какая-то нейроинфекция, но она лежала в больнице месяц и вообще не разговаривала. Моя сестра

всегда была ее любимицей, потому что очень умная и талантливая, а тут вдруг такое. Мама решила, что она вышла замуж из-за беременности, а не по любви.

– А на самом деле?

– На самом деле ее муж всегда любил ее и любит, а она его. Моя сестра, конечно, с непростым характером, геолог по профессии, но своего мужа Алексея она выбрала абсолютно осознанно. Он тоже геолог и они оба фанаты своего дела.

– Кто родился у твоей сестры? Ты не сказал.

– Родилась девочка, ее назвали в честь моей мамы Любой. Это моя племянница, очень славный ребенок. Ей скоро исполнится семь лет.

– А твои родители поменяли отношение к семье твоей сестры?

– Да, а как иначе? Быстро поменяли, видя, как Рита относится к Леше. Папа и раньше большой проблемы из этой ситуации не делал. А когда родилась Любаша, мама и вовсе забыла, что она появилась в животе Риты до того, как Леша на ней женился. Я уверен, что моим родителям не захочется каким-то образом мешать в моем выборе. Гораздо правильнее постараться встать на место своего сына и понять, что ему надо.

– Понятно. Спасибо, что рассказал.

Мы долго гуляли с Виктором в мягкой осенней прохладе, ходили по аллеям бульвара, обрамленным разноцветными листьями. Я отмечала про себя, что, несмотря на конец октября, стояла сухая и солнечная погода, которая создавала нам приподнятое настроение. Или все-таки год был таким, когда все складывалось лучшим образом? Мы с Виктором родились в один год, значит, он был и для него таким же счастливым.

Через три дня наступила суббота. Пока мы с Виктором шли от автобусной остановки до подъезда его дома, я тестировала себя, волнуясь ли от предстоящей встречи с родителями. С удовлетворением отметила, что почти не волнуясь. Раз родители Виктора сами пригласили меня, то вряд ли я вызываю у них отрицательные эмоции. Многократно взвесив про себя мысль о том, готова ли я в будущем выйти замуж за человека, чьи родители будут против нашего брака, я ответила, что могу, но это крайне нежелательно. Противоестественно бороться с родителями своего супруга, а иногда и бесполезно, так как дело, в конечном счете, не в них. Это отравляет жизнь твоего близкого человека, с которым ты живешь. В общем, для меня было важно, какие отношения установятся между мною и родителями Виктора.

Виктор нажал на звонок, дверь почти сразу открыл его папа и поздоровался со мной. Я также поздоровалась, после чего он представился:

– Меня зовут Аркадий Матвеевич.

Он помог мне снять пальто и предложил новенькие домашние тапочки. В коридоре сразу же появилась мама Виктора.

– Здравствуйте, Дашенька, проходите. Мы уж, наверное, давно должны были познакомиться с вами.

– Здравствуйте, Любовь Вениаминовна, – я выучила имена родителей Виктора давно, из его упоминаний о них.

Мама Виктора имела очень привлекательную внешность. У нее были умные живые глаза, доброжелательно смотревшие на собеседника. Волнистые черные волосы до плеч были схвачены ободом и служили настоящим украшением, а открытая улыбка свидетельствовала о доброте характера. Иногда проскальзывавшее смягченное произношение звука «г» и широковатые бедра говорили об ее украинских корнях.

Аркадий Матвеевич был несколько ниже меня ростом, подвижный, чуть полноватый. По выражению лица было видно, что шутки у него всегда держатся наготове. Он регулярно пытался подшучивать над Любовью Вениаминовной, но она всякий раз отвечала ему по существу, чему он как муж искренне радовался, вроде как его жена в очередной раз успешно прошла тест.

Я сразу поняла, что большинству людей с Любовью Вениаминовной шутить как раз не хотелось – ее многолетняя работа в качестве директора школы не особенно располагала к пустым разговорам.

Меня провели на кухню, где был обеденный стол с большим разнообразием блюд. Глядя на то, как был накрыт стол, я поняла, что в этом доме сегодня ждали важного гостя.

Мое общение с родителями Виктора протекало на одном языке. Аркадий Матвеевич спросил меня, когда я окончила институт, где сейчас работаю. Вскоре он начал шутить со мной и, судя по его смеху, мои ответы на его юмор охотно принимались. Родители Виктора рассказывали о своей жизни в Екатеринбурге, о каких-то событиях из более раннего периода, когда Любовь Вениаминовна жила в Киеве, а Аркадий Матвеевич в Москве. Я узнала, что предки отца Виктора переехали в Москву из Белоруссии, они были трудолюбивыми, быстро освоившимися в столице. Аркадий Матвеевич по окончании школы поступил в военное училище, затем получил инженерное образование и всю жизнь работал в оборонной промышленности, также и по возвращении в Москву. В Москве у отца Виктора была большая родня, с которой он время от времени общался.

За обедом я попробовала все, что приготовила Любовь Вениаминовна. Мне было тепло и легко от еды, я знала, что так бывает только тогда, когда пищу готовит профессиональный повар в ресторане, либо по-настоящему добрый человек.

Посидев после обеда за чаем, я поблагодарила родителей Виктора за возможность познакомиться с ними и за прекрасное угощение. После чего мы с Виктором оделись и вышли из дома.

Идя к остановке автобуса, я сказала Виктору, что его родители мне очень понравились. Они оказались высокоразвитыми людьми, за которыми нам следовало еще тянуться в своем развитии. Они были открыты душой, умны и знали жизнь с многих ее сторон.

На следующий день Виктор приехал ко мне во второй половине дня, и мы пошли с ним прогуляться.

– Витя, что тебе сказали твои родители вчера обо мне?

– Мама сказала: «Даша очень милая молодая женщина». А папа сказал, что ты девушка умная и с юмором. Так что, ты им действительно понравилась. А что, для тебя это так важно?

– Конечно, важно, я тебе уже об этом говорила.

– Даш, а мне важно только то, как мы с тобой друг к другу относимся, мнение других мне интересно постольку, поскольку.

Я хотел поговорить с тобой на одну важную тему.

– Давай, я слушаю.

– Ты считаешь, что тебе надо сохранять формально твой бывший брак с Александром?

– Виктор, ты знаешь, что я не развелась раньше только из-за очереди на новую квартиру, в которой Александр стоит вместе с нами, так как тоже здесь прописан.

– Даша, по-моему, мы проверили за несколько последних месяцев наши с тобой отношения и понимаем, что нужны друг другу. Я буду говорить лучше за себя – ты мне нужна, я хочу всегда быть вместе с тобой! Давай поженимся.

– Виктор, ты прав, мы действительно все время вместе, потому что так хочется каждому из нас. Но ты уверен, что хочешь создать семью? Это ведь забота о ребенке, выполнение домашних обязанностей и многое другое.

– Я умею выполнять домашние дела, как ты знаешь, меня это не пугает. Я действительно хочу иметь свою семью, через месяц мне исполняется двадцать пять лет, я взрослый мужчина и мне хочется иметь ребенка.

– Ты убежден, что я именно тот человек, который тебе необходим?

– Да, я впервые в жизни могу так сказать. Я понял, что люблю тебя и хочу прожить с тобой всю жизнь. Я уверен, что с течением времени мы лишь сильнее полюбим, друг друга

и всегда будем счастливы. Я хочу, чтобы мы поженились сразу, как только ты будешь свободна от первого брака.

– Виктор, спасибо тебе за то, что ты сказал, – С этими словами я обняла Виктора и прижала его к себе, – Значит, время принятия решений уже подошло? Ну, что ж, пусть так и будет, я согласна.

Виктор был мне очень дорог, но свои личные отношения с ним я могла бы поддерживать без быстрого вступления в брак. Для меня важным моментом было то, что мой ребенок подрастал, и ему был нужен добрый и любящий отец, которым Виктор мог стать. Да и Виктора текущая ситуация перестала устраивать. Что ж, надо было оформлять развод и прощаться со своей вольной жизнью – Виктор был мне много дороже, чем свобода такого рода.

В этот день мы попрощались с Виктором уже в новом качестве – мы были будущие жених и невеста. Я вспомнила с содроганием свои ощущения невесты пять с половиной лет назад. Тогда, дней за десять до свадьбы с Александром, ко мне начали приходить мысли, а надо ли выходить за него замуж. В такие моменты я чувствовала, что не хочу никакого замужества, что делаю какое-то лишнее действие в жизни. Тут же я начинала уговаривать себя, что так думать и чувствовать неправильно: наши матери потратили деньги на подготовку свадьбы, о бракосочетании объявлено всем, с кем мы общаемся, гости приглашены. Последним аргументом в моем внутреннем споре с самой собой было то, что при неудачных отношениях можно будет и развестись. Перед моим первым замужеством не только интуиция подсказывала, что я делаю ошибку, но и организм реагировал соответствующим образом – у меня за день до свадьбы появились ячмени на каждом глазу, на верхних веках. Я упорно прикладывала на каждый глаз вату с раствором прополиса, это существенно помогло, но веки все равно остались в день свадьбы припухшими. Теперь, получив жизненный опыт, я разговаривала с собой абсолютно искренне – я точно знала, что ничего, кроме ощущения радости и больших планов на жизнь приближающееся замужество во мне не рождало.

На следующий день я вышла после отпуска на работу. Там вновь закипела для меня деловая жизнь, с новыми задачами, сроками выполнения, освоением новых тем в работе. Эта атмосфера меня увлекала и радовала.

В первый же рабочий день, в обеденное время я подготовила исковое заявление о расторжении брака и успела вечером отдать его в канцелярию суда до ее закрытия – процесс был запущен.

Через несколько дней у меня состоялся разговор о разводе со знакомым по работе юристом Валерией.

– Даша, я хочу вас предупредить, что суд может не принять решение о разводе с первого раза. Такова судебная практика сейчас и негласная установка, чтобы судьи прилагали усилия мирить супругов и заставлять их опять жить вместе.

– Неужели судом удастся мирить людей?

– Удастся. Не у всех, как у вас, брак длился пять лет, и по сути дела отсутствует имущество, требующее раздела. Когда вопрос встает о разделе имущества, поверьте мне, существует много людей, для которых оно является сильнейшим аргументом при принятии решения. Поэтому мирятся и продолжают жить дальше. У вас ситуация не считается простой из-за наличия малолетнего ребенка.

– И что это будет означать для меня?

– То, что судья будет пытаться вас мирить и не вынесет решения о разводе с первого раза почти на сто процентов.

– Валерия, сколько раз суд может принимать решение о переносе вопроса на следующее заседание?

– Несколько раз, но в пределах полугода. Даже самые тяжелые бракоразводные процессы, если речь не идет об инвалидах, заканчиваются разводом, когда на этом настаивает один из супругов.

– Слава богу. Значит, не развести нас вообще, они не имеют права.

– Нет, не имеют. Но волокита в течение шести месяцев ничего хорошего в жизни не прибавляет. Поэтому я и говорю, запаситесь терпением заранее.

В воскресенье Виктор пришел как всегда вовремя и вскоре мы втроем с Сашей направились в гости к его родителям. Пока мы ехали, я нервничала чуть больше, чем в первый раз. Ребенок был лакмусовой бумажкой, которая четко показывала, что человек к нему испытывает. Но, увидевшись уже с Любовью Вениаминовной и Аркадием Матвеевичем, я была почти уверена, что они отнесутся к Саше также открыто и доброжелательно, как ко мне.

Когда мы позвонили в дверь и вошли, родители Виктора встретили нас и сразу сосредоточили свое внимание на Саше, который вовсе не опешил от этого, а начал сходу отвечать на вопросы, которые ему задавали. Аркадий Матвеевич то и дело делал многозначительное выражение лица, удивляясь логичности Сашиних ответов. Мой сын пошел с Любовью Вениаминовной за руку, только обернулся, чтобы проконтролировать мое присутствие. Вскоре нас попросили садиться за стол. Вымыв руки, Саша сел на кухонном диване на подушку, чтобы уверенно доставать до своей тарелки и приборов.

– Сашенька, я приготовила тебе на всякий случай картофельное пюре, которое ты любишь, но тут столько вкусной еды, что я прошу тебя поесть то, что ты выберешь сам. Ты согласен? – обратилась к Саше Любовь Вениаминовна.

Он охотно покивал в ответ. Тогда она назвала ему все, что рекомендовала покушать, а он разрешил положить на свою тарелку фаршированную рыбу в свекольном желе и кусок отварного картофеля. Потом еще съел несколько кусочков овощей.

Когда Саша закончил с едой, Любовь Вениаминовна его похвалила, а Аркадий Матвеевич пригласил перейти в гостиную, чтобы он мог поиграть. Отец Виктора продолжал охотно общаться с Сашей, было заметно, что ему этот процесс нравится. Потом в большую комнату перешла Любовь Вениаминовна, а Аркадий Матвеевич вернулся к нам.

Мы еще долго разговаривали с родителями Виктора, Любовь Вениаминовна рассказывала некоторые случаи из своей работы школьным директором. Я с внутренним удовлетворением проникалась мыслью о том, что она имеет на редкость строгий личный кодекс чести и неукоснительно его соблюдает не только с подчиненными, но со всеми вообще, включая членов своей семьи.

Саша попил чая, потом сел к Виктору на колени и было видно, что он немного утомился.

Я искренне поблагодарила родителей Виктора за обед и за возможность с ними пообщаться. Они сказали, что будут всегда рады видеть меня и Сашу и спросили, будет ли он приходить к ним в гости. Саша охотно ответил, что будет приходить с мамой и Витей. Мы тепло попрощались и поехали домой.

Засыпая в этот день и держа в своей руке Сашину ручку, я радовалась реакции родителей Виктора на своего ребенка. Они оказались действительно добрыми, что служило важной поддержкой для меня и укрепляло надежду на счастливую семейную жизнь в скором будущем.

Суд двадцатого ноября отказал нам с Александром в расторжении брака, сославшись на то, что основанием для этого не является отсутствие совместного проживания супругов.

Восемнадцатого декабря нам вновь не дали развода. Третье заседание суда было назначено на девятнадцатое января.

За три дня до нового года Виктор переехал жить ко мне, моя мама позитивно отнеслась к нашему решению. Мы с Виктором были бесконечно счастливы вместе жить в нашей малень-

кой тесной квартирке, заслужив своей преданностью друг другу право с этого момента постоянно быть вместе.

Моей задачей было сделать так, чтобы сын чувствовал в Вите ту же защиту и любовь, что и я. Виктор, в свою очередь, очень старался стать близким для моего ребенка. В выходной он вместе с Сашей наряжал новогоднюю елку и занимался с ним настольными играми. Когда Сашу пора было укладывать спать, Виктор пошел на кухню, а я переодела ребенка, села на диван рядом с его кроватью и взяла его за руку, как мы всегда делали перед тем, как заснуть. Я сказала сыну, что Виктор любит его и любит меня. Он будет теперь жить с нами, и будет стараться стать для Саши настоящим папой.

– Мама, а мой тот, первый папа, где?

– Сынок, ты ведь видишь, что он давно не живет вместе с нами. Это не из-за тебя, а из-за меня. Он меня не любит, а я не люблю его. Твой папа Саша будет иногда приезжать к тебе в гости и ходить с тобой гулять. А Витя будет с нами теперь каждый день, всегда. Он будет растить тебя вместе со мной, играть и гулять с тобой.

– Мама, а Витя меня любит?

– Саша, а ты сам как думаешь?

– Думаю, любит. Он добрый.

– Правильно. Теперь отдыхай, набирайся сил. Через несколько дней будет новый год, и дед Мороз принесет тебе прекрасные подарки.

– Какие подарки?

– Не знаю, заранее это не известно.

Когда я появилась на кухне, Виктор вышел в комнату и подошел к Саше. Он что-то тихо ему говорил, а тот утвердительно несколько раз ответил.

В среду, тридцать первого декабря, рабочий день был до трех часов дня. Нас поздравили руководители нашей организации, а потом все ходили и поздравляли друг друга, были слышны хлопки пробок шампанского, а запахи салата оливье и мандаринов стояли даже в коридорах. Было действительно весело, а в нашей молодежной компании на работе, особенно. Между тем, никто не пил шампанского больше, чем для хорошего настроения, все понимали, что придя домой, надо поучаствовать в подготовке новогоднего стола и быть в хорошей форме к двенадцати часам ночи.

Придя домой, мы с Виктором помогли моей маме в приготовлении новогодних угощений. После одиннадцати сели за стол, поздравили друг друга с наступающим новым годом и выпили шампанского. Саша был очень доволен, поел немного, и его веки начали смыкаться. Виктор отнес его в кровать моей мамы, чтобы мы могли свободно находиться в комнате, где стоял праздничный стол и работал телевизор.

Приблизилось двенадцать часов ночи. Держа в руках фужеры с шампанским, мы слушали поздравление Михаила Горбачева с новым тысяча девятьсот восемьдесят седьмым годом. Мы радовались, что у власти, наконец, находится позитивный и внятный человек, который умеет думать, говорить и пытается убеждать людей вокруг себя в том, что надо развивать и менять страну. Забили куранты на Спасской башне, пока они били, я загадывала желания на следующий год. Потом мы дружно чокнулись фужерами и поздравили друг друга с приходом нового года.

– С новым годом и новым счастьем! – сказала моя мама, – Будем надеяться, что он поможет решить наши важные проблемы.

– Даша, ты только не ругай меня, чтобы у нас были деньги, я буду брать каждый месяц шесть, иногда восемь дежурств, – сообщил Виктор.

– Виктор, это не слишком ли много для тебя? Мне ничего не надо за счет твоего здоровья!

– Не волнуйся, я раньше дежурил гораздо больше. Это вопрос привычки, а пока я молодой, ничего особенного в этом нет. Должен же я зарабатывать деньги, как нормальный мужчина, у меня теперь семья.

Я обняла своего близкого молодого человека и прижалась к нему. От него исходила энергия тепла и любви, похожая на ту, которую я получала в детстве от отца и матери.

Думая о наступившем годе и планах на будущее, мы с Виктором мечтали о том, какую квартиру получим, когда подойдет моя очередь на работе. Хотя мы и были оформлены на ожидание нового жилья в районе, надежды на это практически не было. А от моей работы сотрудники регулярно получали жилье, приблизительно раз в три года. По моим подсчетам, через два года у нас был реальный шанс получить новую квартиру.

Пришло девятнадцатое января, день третьего судебного заседания по расторжению моего брака с Александром.

После открытия судебного заседания судья спросила меня, поддерживаю ли я свой иск к Смирнову Александру Валентиновичу по расторжению брака. Я ответила, что поддерживаю. После нескольких вопросов, заданных судьей Александру, он сообщил, что согласен на расторжение. Вскоре нам огласили решение суда.

– Именем Российской Федерации суд вынес решение о расторжении брака между гражданкой Смирновой Дарьей Сергеевной и гражданином Смирновым Александром Валентиновичем. Сын от их брака Смирнов Александр Александрович остается на попечительстве своей матери Смирновой Дарьи Сергеевны и будет проживать вместе с ней. Гражданин Смирнов Александр Валентинович обязан ежемесячно перечислять алименты своей бывшей супруге Смирновой Дарье Сергеевне на содержание сына Смирнова Александра Александровича в размере, определенном действующим законодательством.

Я была счастлива, что решение вынесли. Если в суде можно было бы прыгать и кричать, то я обязательно бы это сделала.

Я приехала домой и крикнула с порога своей маме: «Победа!» Когда приехал домой Виктор, я тоже ему почти прокричала:

– Меня, наконец, развели! Я свободный человек!

– Даша, я так рад! Поздравляю тебя!

– Спасибо, я тоже тебя поздравляю!

Мы смеялись и радовались, как дети. Саша тоже подбежал к нам и начал прыгать рядом. Раз нам было радостно, то и ему вместе с нами.

В начале февраля я получила свидетельство, мы с Виктором сразу подали заявление на регистрацию брака и в семейном кругу отметили это событие. Даже не верилось, что наши отношения, наконец, могут стать официальными.

Наступил март. Вечером накануне свадьбы Виктор поехал ночевать к своим родителям для соблюдения традиции, а также соблюдения приметы – не видеть невесту в день свадьбы раньше времени. Его сестра Рита с мужем Алексеем были в Москве, Максим тоже приехал вечером к родителям Виктора в гости. У них был мальчишник, но я не волновалась за лишний алкоголь или за то, что они поздно лягут спать. Все, так или иначе, происходило на глазах у Любви Вениаминовны, которая умела регулировать ситуацию. Я легла спать со спокойной душой, в свою руку, как прежде, взяла Сашину ручку, как бы говоря ему, что мы добились того, что нам было необходимо. Или, точнее, что судьба наградила нас за долгое терпение.

Утро в день нашей свадьбы в конце марта было солнечным. Стучала капель об асфальт, природа радовалась весне и приходящему теплу. Когда мы приехали в ЗАГС, нас попросили недолго подождать. Вокруг ощущалась праздничная атмосфера, но мы с Виктором стояли чуть в стороне от своих гостей и родителей и немного волновались, из-за этого не участвовали

в общем разговоре. Мы понимали, что сейчас будет очень важный момент в нашей жизни, к которому мы шли несколько месяцев, преодолевая препятствия на своем пути и в чем-то меняя себя.

Мы встали возле двойных закрытых дверей, которые вскоре отворились. Зазвучала музыка – в зале находился скрипичный квартет, который играл марш Мендельсона, дама, игравшая на виолончели, посмотрела на меня приветливым взглядом. На удивление, эта радостная и торжественная музыка несла живую энергию для нас и воспринималась мною как благословение свыше. Родители и гости вслед за нами вошли в зал и двери закрылись.

От имени Российской Федерации к нам с Виктором обратилась сотрудник Загса и поздравила с решением вступить в законный брак. Она спросила меня, согласна ли я вступить в брак с Рошиным Виктором Аркадиевичем.

– Да, – ответила я. При этом мой голос прозвучал с явной хрипотцой. Я и не ожидала, что буду так волноваться.

Аналогичный вопрос регистратор бракосочетания задала Виктору, согласен ли он вступить в законный брак со Смирновой Дарьей Сергеевной.

– Да, – ответил Виктор своим уверенным голосом.

Нам предложили обменяться кольцами, затем регистрирующая наш брак дама вручила свидетельство о его регистрации. Нам аплодировали, гости расступились, пропуская меня и Виктора к выходу. Скрипичный квартет вновь играл свадебный марш в нашу честь.

Мы с Виктором, выйдя из зала, посмотрели друг на друга, на кольца на наших руках и, наконец, смогли разговаривать без волнения. Максим и Алексей тем временем откупорили шампанское, родные и друзья поздравляли нас, желали счастья и долгих-долгих лет совместной семейной жизни. Мы с Виктором принимали поздравления и были счастливы, что с нами это произошло.

Молодежная часть нашей компании вместе с Виктором и мною поехала кататься по Москве на микроавтобусе. Выйдя на смотровой площадке на Ленинских горах, мы опять открыли шампанское и с удовольствием выпили по фужеру, глядя на большой светлый город, расстилавшийся внизу перед нашими взглядами в лучах весеннего солнца. Любуясь на Москву с этого места, мне было радостно в день нашей свадьбы ощущать свою причастность к жизни величественного города и понимать, что мы тоже живем и работаем для его развития и являемся его частью.

Свадьбу мы все вместе праздновали у родителей Виктора, а на следующий день я и Виктор приехали домой, где нас ждали мама и Саша, которые вернулись раньше нас. Саша сидел на своем стульчике на кухне и пил теплый чай. Виктор подошел к Саше, сел возле него на табуретку и взял за руку.

– Сашенька, ты вчера был в Загсе, а потом у моих родителей. Ты понял, почему мы там собирались?

– Да, я знаю. Ты и мама поженились.

– Правильно. Твоя мама мне жена, я ей муж, а ты – наш ребенок. Называй меня теперь не Витя, а папа. Я буду стараться быть тебе хорошим папой, и буду называть тебя сынок. Ты согласен?

– Согласен.

– Хорошо, – Виктор поцеловал Сашу в щеку и в голову.

В начале мая мне стало известно, что я беременна. Я старалась с этого времени тщательно следить за весом, как можно больше ходить по улице вечерами.

В конце января, в субботу, Виктор был на суточном дежурстве. Я легла спать вечером в половине десятого, у меня немного тянуло низ живота. Через пятнадцать минут пошла первая

схватка. Когда приехала машина скорой помощи, схватки были сильными и ритмичными, раз в десять минут. Я отдала врачу документы на госпитализацию в родильный дом, где был указан роддом больницы, в которой работал Виктор. Я очень просила доктора, чтобы мы ехали именно туда, хотя добраться надо было не менее тридцати минут.

– Так, ладно, садись в машину. По ходу дела я пойму, куда тебя везти. Ты ведь не хочешь родить в машине на морозе? Я-то, конечно, справлюсь, но тебе не будет комфортно.

Я сидела сзади врача, а она рядом с водителем. Во время схваток я глубоко дышала и терпеливо ждала, когда доедем до роддома. Доктор все время смотрела на меня в машине через зеркало и когда мы, наконец, доехали, похвалила за терпение. Через два часа после приезда в роддом родился наш второй ребенок, я слышала, как он негромко несколько раз хныкнул.

– Помой ему нос от слизи, – сказал доктор акушерке.

Через несколько секунд ребенок стал кричать вполне звучно, хоть и хрипловато.

– Вот, смотри, какого ты мальчика родила, – поднесла его посмотреть акушерка.

Ребенок был плотненьким, но не большим. Его вес был три килограмма двести пятьдесят граммов, а рост сорок девять сантиметров.

– Почему у него такие надутые губки, как будто он чем-то недоволен? – спросила я у доктора.

– Представь себе, какое напряжение ему только что пришлось испытать при родах. Любой бы был после этого недоволен.

Через день после родов малыша принесли на кормление, у него больше не было на лице недовольного выражения. Наоборот, он был спокоен и безмятежен, а я ощущала себя бесконечно счастливой, держа его на руках.

На четвертый день нас выписали из роддома. Дома нас ждали мама, Саша и родители Виктора. Я развернула одеяло, переложила ребенка в кроватку, после чего, все по очереди смогли на него посмотреть. Мальчик лежал спокойно и не плакал. Я с Сашей смотрела на ребенка и объясняла ему, что это его братик, который родился четыре дня назад. Говорила, что пройдет время, ребенок подрастет и сможет составить Саше компанию в играх, а также будет дружить с ним и гордиться, что Саша – его старший брат. Саша смотрел на братика и внимательно слушал меня. Пока ему было сложно представить, что этот маленький комочек сможет составить компанию в играх. Сейчас было ясно одно – этот кроха занял его привычную кровать, а сам он из-за этого переместился спать в бабушкину комнату на раскладное кресло, но Саша на это не обижался.

Ребенка мы назвали Михаилом, как решили еще во время моей беременности. Он был в целом спокойным, иногда только мог покричать ночью, если вдруг проголодается. В основном я кормила его грудным молоком, но на ночь докармливала хорошей детской молочной смесью из бутылочки. Каждый день подолгу гуляла с Мишей в коляске, а вечерами забирала Сашу из садика.

Летом Виктор взял отпуск и вместе с Сашей и своими родителями поехал отдыхать в Юрмалу. Мы с Мишей остались в Москве, так мне было спокойней, потому что младшему ребенку только-только исполнилось полгода, и он нуждался в комфортных условиях. Я часто думала о том, как у меня сложатся дела по работе. Хотелось понять, что представляет собой работа в коммерческой компании, ведь все, кто теперь зарабатывали хорошие деньги, работали в таких фирмах. Я не исключала, что рано или поздно буду искать вакансию в коммерческой фирме, а пока все свое время проводила с ребенком.

В сентябре Миша уверенно ходил по своей кроватке и довольно громко кричал звук «а» во всех мыслимых интонациях, стараясь через него выразить свои мысли и эмоции. Он был

крупным, активным ребенком, который меня радовал и своим развитием и своим аппетитом, особенно, учитывая мой предыдущий нелегкий опыт со старшим сыном.

Саша в сентябре пошел в детский сад, теперь он чувствовал себя там более уверенно, чем в предыдущий год, а его регулярно выделяли за умение читать и хорошо считать. Воспитательница при разговорах со мной хвалила Сашу, говоря о том, что он позитивный и всегда готов поддержать ее начинания.

В конце февраля меня и еще нескольких сотрудников внешнеторговых объединений вызвали в профком с документами и каждому дали ордер на осмотр квартиры в новом доме, который был выстроен нашим министерством. Я поехала посмотреть квартиру буквально на следующий день.

Дом был семнадцатизэтажным, новой планировки, находился на западе Москвы, это было исполнением нашей мечты. Квартира оказалась просторной, три комнаты, большой холл. Я, Виктор и моя мама были счастливы, что нам дают такую квартиру. В первых числах апреля мы погрузили в машину часть мебели, которую посчитали нужным взять, чемоданы с вещами, и поехали в нашу новую жизнь. День, в который мы переезжали, был необыкновенно солнечным и теплым, с громкими звуками на землю лилась капель. Казалось, все вокруг радуется вместе с нами!

В мае, когда до окончания отпуска по уходу за ребенком оставалось менее трех месяцев, мои мысли опять обратились к работе, и я серьезно раздумывала, не поменять ли мне ее место. Это было связано с тем, что в организации, где я состояла, начались большие изменения в связи с реструктуризацией. Большинство моих коллег опасалось за возможность потерять работу, и, как можно было понять, они много времени тратили на обсуждение вопросов сокращения штатов. Уровень нервозности был высоким, это обстоятельство рождало у меня нежелание находиться в столь неприятной атмосфере, к тому же с последующим неясным исходом.

Я решила искать работу в частной коммерческой организации, тем более что высокие заработки мне были просто необходимы. Мой муж и так много работал, делал все, что от него зависело в части заработка, но был близок к его пределу. Виктор всегда оставался врачом в истинном смысле этого слова, поэтому не назначал пациентам цен за свое лечение, как это делали некоторые его коллеги.

В поисках новой работы я на всякий случай позвонила Дмитрию, с которым не имела связи уже чуть более года. Дмитрий обрадовался моему звонку и очень позитивно отреагировал на просьбу подыскать мне рабочее место. Кроме Дмитрия, я обратилась ко всем, к кому могла из числа своих знакомых.

Прошло дня четыре после моего звонка, когда Дмитрий сам позвонил мне.

– Привет, Даш. Ты не передумала менять работу?

– Нет, не передумала.

– Тогда приезжай, познакомься с нашим отделом кадров.

– Ты имеешь в виду новую компанию, в которой сам работаешь?

– Ну, да. Есть возможность устроиться ко мне в отдел экономистом. Работать придется много, но зарплата будет в два раза выше, чем у тебя сейчас.

Требовалось быстро принять решение. Хоть и наступило лето, думать об отдыхе с детьми было неуместно, раз открывалась возможность, о которой я мечтала. Поскольку Миша подрос, а Саше было шесть с половиной лет, моя мама не побоялась остаться одна с двумя детьми на даче, которую мы для них сняли. Тем более что Виктор и я обещали обязательно приезжать к ним каждую неделю вечером в пятницу на выходные. Родители Виктора тоже собирались регулярно бывать на даче, чтобы помогать моей маме.

Вскоре я вышла на работу в компанию, где работал Дмитрий, она в основном занималась поставками из-за рубежа фармацевтических препаратов. В мои обязанности входила подготовка необходимой информации по закупкам препаратов, оформление конкурентных листов, всех необходимых расчетов к ним, контрактов, а также взаимодействие с поставщиками в пределах отведенных мне полномочий.

В процессе работы мне вскоре стало понятно, что Дмитрий в своей деловой жизни очень в малой степени был похож на того молодого человека, с которым я так весело общалась на курсах автовождения. Он был весьма и весьма требовательным руководителем. Те, кто был склонен задерживать подготовку контрактов или любых других документов, объясняя это объективными обстоятельствами, в нашем отделе не задерживались. Меня как раз взяли на место такого молодого человека, которого Дмитрий решил заменить. Все мои новые коллеги работали прежде во внешнеторговых объединениях или во Внешторгбанке. Самому старшему из нас было тридцать два года, самому молодому двадцать четыре. Женщин, включая меня, было трое. Каждый владел свободно, по крайней мере, одним иностранным языком, двое молодых людей и я хорошо говорили на трех языках. Это давало возможность оперативно решать вопросы с иностранными поставщиками, с которыми мы постоянно общались по факсу и по телефону. К моменту моего поступления на работу эта компания уже просуществовала год и, как я могла убедиться, получила хорошую репутацию у зарубежных партнеров.

Я очень старалась исполнять работу безукоризненно. Во-первых, мне самой было комфортно, если я справлялась со своими задачами вовремя, а во-вторых, я себя неприятно ощущала, если руководитель меня не хвалил, а считал, что я могла бы сделать что-то лучше. Чтобы избежать неправильных действий, я старалась заранее выяснить у Дмитрия возникавшие у меня вопросы. Это не всегда можно было сделать, потому что он часто был занят на встречах нашего генерального директора Валерия Михайловича с партнерами. Когда Дмитрий находился в отделе, четко было оговорено время, в которое мы могли обращаться к нему для обсуждения своих дел. Но уж если Дмитрий занимался с кем-то из нас, то делал это с полной отдачей. Готов был потратить много времени, чтобы донести до сотрудника свою мысль, точнее, привить свои навыки работы – правильно общаться с производителями лекарственных препаратов, рассматривать документы со всей тщательностью, если надо, привлекать юристов и аудиторов, консультироваться в банке. В общем, быть максимально предусмотрительными и не считать несущественными мелочи, так как именно в них может гнездиться ошибка с тяжелыми последствиями. Я старалась получать сложные и интересные задания, было важно расти профессионально, хотелось сделать красивую карьеру. Субъективно рвение к работе ощущалось мною как стремление участвовать и победить в большом состязании. Другой стороной задачи было стремление как можно лучше обеспечить свою семью, иметь возможность баловать своих детей. В общем, научиться стоять на ногах, получать от этого радость и передавать ее в жизнь своим близким. Эту задачу я воспринимала еще более эмоционально, чем первую. Я готова была работать день и ночь, чтобы вытянуть себя и свою семью наверх. Я всегда знала, что чувство самоуважения может нормально реализоваться в человеке только в том случае, если он живет достойной жизнью, ни в чем не нуждается, никому не завидует. Именно в такой среде должны расти и воспитываться дети, тогда они будут открыты для восприятия других людей и всего мира, независимы и добры, ведь детство – это прививка на всю жизнь. Нет сомнения, что в дальнейшем человек может отказаться от высокого благосостояния и сделать иной выбор. Но, нельзя без сожаления и чувства ущемленности отказаться от своих желаний, которые тебе не удалось выполнить.

Высокие нагрузки на работе и сложности, с которыми сталкивалась, я старалась рассматривать как средства для развития. В этой связи часто вспоминала своего отца, он точно так же, когда я была маленькой, не щадил сил ради моего благополучия, постоянно нагружая себя работой.

Вскоре я начала присутствовать на встречах и переговорах генерального директора, готовила документы ему на подпись. Как я поняла, ему тоже нравилось со мной работать, он ценил четкость в выполнении его поручений и просто любил чувствовать уважение к себе, которое я абсолютно искренне испытывала. Валерий Михайлович часто давал мне наставления, но всегда так ровно и доброжелательно, что ничего, кроме чувства благодарности у меня это не рождало. Прежде он был высокопоставленным руководителем в министерстве внешней торговли и за долгие годы работы приобрел широкие зарубежные связи и безупречные манеры общения. Мне нравилось слушать, как он говорит, учиться его оборотам речи, выражению лица, стилю общения. В моем характере и манере общения, к сожалению, иногда присутствовали резкие реакции. Мне не нравилось это у Дмитрия, но оставалось только признать, что мы с ним похожи в своих недостатках. Истинный лидер ведет себя так, что с ним хочется делать работу вместе, хочется, чтобы он был доволен, потому что это будет означать твое профессиональное признание, твою собственную профессиональную состоятельность.

В то время экономика нашей страны находилась на этапе болезненного перехода к рынку. Далеко не все были готовы к работе в частных компаниях, которых было на тот момент немного. Не только промышленные предприятия останавливали свои производства за ненадобностью их продукции, но и производство продуктов питания резко упало. Продуктовые магазины в Москве стояли с пустыми полками, по просторным залам слонялись ничем не занятые продавщицы. Реально продукты можно было купить на рынке, туда же приезжали машины с молочных комбинатов и торговали прямо из кузовов. Иногда с похожих машин можно было купить мясные продукты. Потом появились первые коммерческие отделы в магазинах и коммерческие ларьки. Это была постсоветская аналогия с НЭПом. Ассортимент продаваемых в них продуктов был не слишком широким, но по существовавшим на ту пору меркам, экзотическим. Это были только продукты зарубежного производства, начиная от французских колбас и сыров, заканчивая тропическими фруктами и голландским печеньем. Все это было символом нереальной роскоши рядом с нашей обвалившейся действительностью.

Спустя пять месяцев после моего выхода на работу Валерий Михайлович взял меня в первую зарубежную командировку. Он встречался в Женеве с крупным производителем фармацевтических препаратов для возможности согласовать перспективы сотрудничества. Основным моментом было определение объемов поставок, которые соответствовали емкости тогдашнего рынка и возможность договориться с производителем по наилучшей цене. Моей функцией было переводить на переговорах с французского и обратно, записывать основные итоги в протокол и печатать документы для предварительного согласования. Мой шеф очень хорошо говорил по-английски, за ужином с нашими партнерами он разговаривал и шутил с ними без переводчика.

Я, помимо перевода, мало говорила, в основном слушала. К счастью, и внимание на мне особенно не сосредотачивали. За четыре дня нашей поездки мы смогли посетить два фармацевтических предприятия и познакомиться с их работой. Для меня это было очень интересно, я старалась как можно лучше запомнить все, что нам рассказывали. В свободное время мне дали возможность осмотреть Женеву, несколько раз погулять по городу и по магазинам. Я с радостью фотографировала улицы, достопримечательности города, и время от времени просила прохожих сфотографировать меня на фоне какого-либо памятника или красивого здания. Женева особенный город в Европе, именно сюда бежали в свое время протестанты из других стран, чтобы укрыться от преследований священничества католической церкви. А несколько веков спустя здесь наши будущие революционеры сформировали планы по социальному переустройству России. Эти обстоятельства не мешали самому городу жить трудолюбивой, благополучной и размеренной жизнью. Такая глубокая философия – беречь как зеницу ока свою устойчивость и благополучие, позволяя другим смотреть на мир иначе при условии, что они

соблюдают обязательные требования к своей жизни здесь. Со временем, побывав по работе в очень многих местах, я поняла, что такое качество присуще и другим городам в Европе, особенно столицам, но каждый раз это выглядело очень индивидуально.

После моей командировки работа в нашем отделе протекала, как и прежде. Дмитрий всегда стремился выделиться в глазах шефа, в первую очередь посредством того, что деятельность возглавляемого им отдела почти не имела нареканий. Ситуации по подготовке контрактов бывали разные, порой требовалось составить их срочно, тогда мы оставались до позднего вечера и выходили на работу в субботу.

Со мной Дмитрий общался более сдержанно в части отрицательных эмоций, чем с другими, но из-за малейшей моей ошибки сильно злился. Через некоторое время я поняла, что другим он дает право быть глупее, чем ему хочется, но только не мне. В его глазах не было ничего хуже ошибки, то есть того, что человек не обдумал или не заметил, хоть и должен был это сделать.

Дмитрий резко преображался, можно сказать, менялся на свою диаметрально противоположность, когда мы собирались на наших корпоративных праздниках, не было человека более компанейского и более веселого, чем он. Дмитрий с готовностью принимал роль тамады и прекрасно с ней справлялся. Речь не шла, конечно, о мероприятиях с участием нашего генерального директора – в таких случаях он неотступно соблюдал субординацию и высказывался только тогда, когда ему предоставляли слово. Все признавали широкую эрудицию Дмитрия, а по чувству юмора ему просто не было равных. Вместе с тем, у него были темы, на которые он садился, словно на любимого конька и заикливался. Например, сообщал окружающим обо всех известных в истории случаях многоженства среди правителей древнего мира и раннего средневековья, в том числе среди правителей христианских государств. Не вызывало сомнений, что Дмитрий относился к идее многоженства, да еще при наличии неограниченного количества наложниц, как к прекраснейшей из всех известных форм брака. В общении с женщинами Дмитрий был всегда учтив, старался понравиться, но при этом был совершенно неуловим для тех, кто положил на него глаз и хотел приручить. Что важно, на семейной жизни Дмитрия его многочисленные внебрачные связи не отражались. Он действительно любил жену, обожал сына и держал эту часть своей жизни вне досягаемости для сиюминутных поверхностных увлечений. Что при этом должны были чувствовать его подруги, было известно только им одним. Как мне казалось, он влюблялся всерьез раза два, но по его собственному последующему признанию, желание соединить свою жизнь с другой женщиной иссякало к концу второй недели. Он даже специально засекал, сколько времени его чувства находятся на пике, и с какого дня начинается понижение. Мне казалось, что его эмоции к противоположному полу ближе всего находились к сфере вкусовых ощущений – он словно гурман ел и пил от взаимоотношений с понравившимися ему женщинами, смаковал эти эмоции, обсасывал их и... выплевывал. Впрочем, это касалось его интимных отношений, во многом другом Дмитрий не любил бросать своих бывших пассий. Он устраивал их на хорошую работу, помогал в трудных жизненных ситуациях конкретными действиями и деньгами.

У нас с Дмитрием были иного рода отношения. Поскольку мы давно знали друг друга, и он хорошо знал моего мужа, то в голову ему не приходило меня обхаживать. Дмитрий относился ко мне с неподдельной теплотой, и за время совместной работы у меня возникло чувство локтя и уверенность, что если на кого я могу положиться в полной мере, то только на него.

Как Дмитрий сам неоднократно признавался, моя поддержка в сложных ситуациях по работе и активная помощь в его начинаниях были очень важны для него. Мы с ним часто вместе ходили обедать, что давало возможность поговорить на любые темы, часто не связанные с работой. Никто из сотрудников отдела к нам не присоединялся. Видимо, ребята воспринимали наше общение во время обеденного перерыва как сеанс психотерапии для Дмитрия.

Надо сказать, что и мое, порой накапливающееся на Дмитрия раздражение, растворялось в час нашего спокойного общения за едой. Именно в такие моменты случалось, что Дмитрий рассказывал мне что-то о своей личной жизни, но всегда только об отдаленных по времени событиях и никогда о том, что он испытывает сейчас. Дмитрий говорил со мной на эти темы очень откровенно, с неожиданной для его обычной манеры общения искренностью. Он не стремился что-либо приукрасить, не боялся себя обругать или показаться недостойным в моих глазах. Он рассказывал свои жизненные истории так, как будто я была его младшей сестрой, а он, абсолютно веря в мою преданность, одновременно и исповедовался и учил меня жизни.

Спустя шесть лет с момента моего прихода, когда наша фирма, в значительной мере благодаря усилиям Дмитрия, вышла на свой новый виток развития, он сообщил о своем уходе ради создания собственного бизнеса. Многие вздохнули с облегчением, другие, я в том числе, сильно расстроились. Неприятно, когда уходит столь яркий и значимый человек из компании. Вряд ли это нарушит наше успешное положение на рынке, но то, что без Дмитрия это будет немного другая организация и несколько другой коллектив, не вызвало сомнения. Дмитрий пригласил всех сотрудников в ресторан, наш генеральный директор Валерий Михайлович тепло напутствовал его на прощание и искренне поблагодарил за семь лет прекрасной работы. Дмитрий подошел ко мне в конце вечера и сказал, что считает наши отношения крепкой дружбой, которая не зависит от места работы. Заставил меня пообещать, что буду ходить с ним ужинать, когда он будет меня приглашать, ведь обедать вместе теперь у нас не будет возможности.

2 часть

Прошло почти девять лет с тех пор, как я перешла работать в фармацевтическую компанию.

На нашей фирме разрабатывался новый проект, связанный с недавним приобретением предприятия по производству фармпрепаратов. Это было среднее по размерам, но устойчивое по критериям оценки бизнеса производство, расположенное в ближнем Подмосковье. Моей частью работы в этой связи была разработка и внедрение программы управленческого учета и анализа. Речь шла о том, что мне следовало привлечь наиболее продвинутую в области компьютерных финансовых технологий фирму, помочь составить техническое задание и обеспечить внедрение созданной по нашему заказу программы. Поскольку я постоянно работала с программистами, хотя и над более локальными задачами, то суть проблемы меня нисколько не напрягала, а только радовала своей новизной и масштабом.

Как и все подобные задачи, эту я начала решать с проведения тендера. Обзвонив несколько фирм и проведя серию встреч, я вспомнила о том, что в моем ежедневном календаре была сделана запись о компании, из которой мне звонили как финансовому директору с редким постоянством – приблизительно раз в квартал. Я нашла телефонный номер этой компании, она называлась «Юкка», и попросила связать меня с менеджером, который консультирует по вопросам компьютеризации управленческого учета. После мелодичного пиликания в трубке раздался уверенный голос, мужчина представился Владиславом и сказал, что уместнее называть его без отчества, так как их компания придерживается западного стиля общения. Выслушав мои вопросы, он сказал, что готов приехать к нам в офис и рассказать о возможностях предлагаемого программного продукта, который можно дописать под наши требования.

Владислав попросил назначить встречу на вечер текущего дня, у меня тоже не было оснований медлить, так как срок, который наш шеф дал для разработки и реализации проекта, был всего шесть месяцев.

Ровно в назначенное время в дверь кабинета постучались, и появился молодой человек лет тридцати с гусарской внешностью: стройный, со слегка прищуренным взглядом голубых глаз, выразивших высокую самоуверенность, с пышной, но аккуратной шевелюрой светлых волос. Владислав прошел к креслу, на которое я ему указала, открыл ноутбук с презентацией и, как стало ясно, оказался прекрасным продавцом. Как следовало из пояснений Владислава, их программа соответствовала по своим функциональным параметрам нескольким лучшим продуктам, имевшим широкое применение в США, Австралии и некоторых европейских странах, но была адаптирована к нашим российским стандартам бухгалтерского учета, а также выгодно отличалась от западных продуктов по цене. После полуторачасовой беседы мы договорились, что Владислав на днях приедет ко мне со своим руководителем – генеральным директором Игорем Федосеевым, который лично вел в компании «Юкка» крупные проекты.

После анализа предложений нескольких фирм я доложила нашему генеральному директору о выбранном мною партнере и получила его полное одобрение – он всегда был сторонником западной системы учета и анализа. Шеф, как это часто бывало, поручил мне самостоятельно вести проект, и раз в неделю информировать о ходе его реализации.

Через два дня после нашей первой встречи Владислав приехал, как и обещал, с генеральным директором Федосеевым Игорем Васильевичем. Как только они вошли в мой кабинет, я ощутила странное волнение. Я не сомневалась, что его причиной послужил господин Федосеев, но четко сформулировать, что же конкретно меня разволновало, не могла. В свои тридцать семь лет я хорошо владела навыками самоконтроля, и мое беспокойство ничто не могло выдать, но мне пришлось сделать усилие над собой, чтобы внимательно выслушать своих собеседников, а не разглядывать Игоря Васильевича, пытаюсь понять, что же в нем особенного. Мы

договорились об условиях договора – о цене и сроках, которые как раз укладывались в определенные моим шефом рамки. На следующую неделю было намечено подписание договора. От меня требовалось как можно подробнее подготовить предварительное техническое задание и заполнить опросные листы, переданные мне Владиславом и дающие возможность составить представление о структуре будущей сетевой программы, количестве рабочих мест и их функциональной насыщенности.

Владислав и Игорь Васильевич весьма галантно распрощались со мной, каждый шепнул мне нужным поцеловать мне руку. После их ухода я откинулась на спинку кресла и задумалась на несвязанную с моими делами тему, что довольно редко со мной бывало на работе.

Господин Федосеев имел ярко выраженную мужскую внешность. Черты его лица были резкими, словно вырубленными мелким топором. Выражение лица было несколько суровым, но стоило ему улыбнуться, как становилось понятно, что он относится к жизнерадостным людям и при случае не прочь посмеяться. Он обладал стройной фигурой, что явно его молодило, но реальный возраст был от сорока пяти лет. Что же так меня встревожило в нем?

К своему неудовольствию я вынуждена была признать, что отреагировала на него как на особенного мужчину, который имел, наверное, нетривиальные характеристики личности, иначе, что же заставило меня так впечатляться?

– А может, и не имел. Но, в конечном счете, ничего ужасного в этом нет – успокаивала себя я, – Вероятнее всего, при последующих встречах у Игоря Васильевича проявятся какие-либо отрицательные поведенческие моменты и мой особый, так неожиданно возникший к нему интерес, исчезнет.

В наступившие выходные к нам на дачу приехали друзья – моя подруга Галина со своим мужем Славой и сыном Вовой. Мы, как и прежде, часто встречались семьями, проводили время за беседами, прогулками, игрой в преферанс. Наши дети тоже были дружны и охотно общались. Мы с Галей старались как можно интереснее накрыть стол, она привозила с собой что-то специально приготовленное, я тоже делала наши самые любимые блюда на обед. По вечерам мужчины жарили шашлык, дети им активно помогали. Нашего старшего сына Александра Галина расспрашивала про будущие планы, заодно проверяла, как у него с английским, Миша с Вовой носились по второму этажу и вокруг дома. Как мы не были близки с моей подругой, я не могла делиться с ней своим беспокойством по поводу Игоря Васильевича. По моим ощущениям это оскорбило бы наши с ней общие ценности – счастливую семью, благополучный дом. Даже разговор на тему о том, что мое внимание привлёк неординарный мужчина, казался мне нежелательным. Одно дело поведать, как кто-то за тобой пытается ухаживать, помыть ему кости и вместе пошутить над этим, совсем другое – сказать, что первая же встреча с незнакомым мужчиной чувствительно задела тебя саму. Но, так или иначе, общение с друзьями врачевало меня, возникавшая ранее душевная тревога отступила, и после выходных я ощущала равновесие и обычную уверенность в себе.

В среду, как мы запланировали, фирма «Юкка» выслала текст договора на разработку и инсталляцию компьютерной программы для управленческого учета и анализа. Я согласовала текст договора с юристами и на пятницу пригласила господина Федосеева и Владислава к своему шефу для его подписания. Ожидая встречу с Игорем Васильевичем, я опять ощутила беспокойство, переходящее в тревогу. Мне важно было не выдать свою, не пойми, откуда взявшуюся сильную симпатию к нему, а остаться внешне раскованной и спокойно-доброжелательной.

Очень пунктуально, как и прежде, Владислав и его шеф приехали к семнадцати часам. Игорь Васильевич был одет строго и безукоризненно – темно-синий костюм, белая рубашка, василькового цвета галстук с крупным узлом по только что появившейся моде. Дорогие черные туфли завершали его респектабельный облик. В моем кабинете, куда наши будущие партнеры заглянули перед визитом к генеральному директору, Владислав проверил подготовленный мною пакет документов и с чувством выполненного долга расслабился в кресле. Игорь Васи-

льевич пытался занимать меня разговором о преимуществах программного продукта своей компании. Он сидел, развернувшись полностью в мою сторону, откинувшись на спинку стула с явным элементом самолюбования, и, как мне показалось, старался мне понравиться. Я отвечала с учтивой любезностью, сама же испытывала то тянущее изнутри влечение к нему, то внутрений холод, чуть ли не до озноба.

Вскоре из приемной Валерия Михайловича позвонили и пригласили пройти к нему. Шеф, как всегда радушно распахнул дверь своего кабинета, обставленного лучшей офисной итальянской мебелью. Разговор начался о том, какой опыт имеет фирма «Юкка» в установке управленческих программ, кто является ее клиентами в Москве. Решение о заключении договора Валерий Михайлович принял заранее, на основании моих докладов и полученной им внешней информации, что не мешало ему показать будущим партнерам, что свое окончательное решение о подписании договора он принимает в ходе общения с ними. Как обычно, наш генеральный навел справки о фирме «Юкка», получил хорошие отзывы от знакомой компании, с которой «Юкка» не так давно работала. Было видно, что Игорь Васильевич и Владислав оценили профессионализм моего шефа и поняли, что в его лице получили самого взыскательного партнера, тем лучше было для последующей работы по проекту. Через полчаса договор был подписан, и Валерий Михайлович отпустил наших новых партнеров. Мы с Владиславом и Игорем Васильевичем договорились о поездке в начале следующей недели на наше предприятие. Когда они ушли, я села в кресло с полным опустошением, на глаза навернулись слезы, благо никто этого не мог видеть. Что же это такое, почему?! Почему такое сильное влечение, которое уже переросло во влюбленность, возникло к незнакомому человеку, да еще с первой встречи? Я ведь не знаю его! Какими реальными чертами характера он обладает? Все это было ужасно – с ходу увлечься мужчиной, чьи представления о жизни, чести, достоинстве могут сильно расходиться с моими собственными представлениями.

Дома я эмоционально тянулась к мужу. Он был ведь самым близким и родным человеком для меня. Виктор по своему доброму отношению, по своей абсолютной преданности мог сравниться только с моей матерью. Меня так и подмывало рассказать ему о своих мучениях, но разве можно было это сделать? Это был тот самый половой рубеж, переходить который было крайне нежелательно. Мне вспомнился случай из жизни, про который рассказывал отец Виктора, скончавшийся два года назад. Он лежал однажды в больнице с известным режиссером и наблюдал, как к тому приходят одна за другой поклонницы, некоторые из которых имели статус любовниц. При этом жена режиссера тоже почти все свое время проводила рядом с ним. Аркадий Матвеевич спросил у соседа, не боится ли он возможной реакции жены и не стесняется ли ее? Режиссер, которому было приблизительно шестьдесят пять лет, ответил, что они прожили с женой вместе сорок лет и что она ему уже больше мать, чем жена, поэтому, он не стесняется показывать ей все стороны своей жизни.

Для меня такая философия была неприемлема, мне хотелось видеть в муже все-таки не мать, а близкого человека противоположного пола. Из-за чего на вопросы Виктора о моем настроении и самочувствии мне приходилось отговариваться и ссылаться на переутомление от работы.

Оставшуюся часть недели я занималась текущей работой и детализацией технического задания для будущей компьютерной программы вместе с нашим отделом информационных технологий и экономистами из моей службы. Вместе с тем все дни до следующего вторника я не могла нормально ни спать, ни есть. Ночами в голове крутилась мысль о том, как я буду выстраивать взаимоотношения с Игорем и как далеко я готова в них зайти. Стоит ли мне располагать его к себе, или же оставить в покое и даже не пытаться? Наверняка, он женат, имеет детей. Я должна отвечать и за их спокойную жизнь, не только за свои чувства. А что я буду ощущать, если покажу Игорю свою симпатию, а получу холодную ответную реакцию? Такой вариант был возможен, хотя, как я считала, Игорь и сам испытывал симпатию ко мне. В каче-

стве итога этих непростых размышлений я сформулировала мысль о том, что стану пытаться лучше узнать Игоря, буду по возможности медленно нащупывать дорогу к его душе, но буду это делать обязательно, так как пересилить тот аркан, на котором меня к нему тянуло, было выше моих сил.

Утром во вторник я направилась на машине в сторону области, чтобы, как мы и договорились с представителями «Юкки», показать им фармацевтический завод. Я уже привыкла, что бываю более пунктуальна, чем партнеры, с которыми приходится работать. Так и теперь я первой подъехала к загородному ресторану, возле которого мы договорились встретиться, чтобы Игорь Васильевич и Владислав могли следовать за моим автомобилем, не боясь заблудиться. Черного цвета мерседес и спортивная бордового цвета мазда появились менее чем через пять минут. Я отметила про себя дороговизну машин, на которых приехали наши новые коллеги – видимо, хорошо зарабатывали на своем программном обеспечении, а может, еще на чем-то. Развить эту мысль дальше мне не удалось, так как господин Федосеев и Владислав вышли из машин поздороваться со мной. Я собрала свою волю, чтобы казаться спокойной. Но по моему внешнему виду все равно можно было предположить, что я либо изнуряюсь в фитнесе, либо измучена какой-то внутренней проблемой.

Я спросила, почему они не на одной машине, на что Владислав ответил, что он, возможно, уедет несколько раньше, чем Игорь Васильевич, так как должен успеть на следующую встречу.

Через пятнадцать минут мы подъехали к заводу. На предприятии работало на данный момент триста пятьдесят человек, замен среди менеджеров мы еще не проводили, так как не хотели, чтобы пострадал процесс производства. Валерий Михайлович рассчитывал на меня в части анализа ситуации на предприятии, понимая, что при внедрении компьютерных управленческих программ затрагиваются структура и технологии управления, слабые звенья при этом проявляются автоматически.

На протяжении всех лет моей работы Валерий Михайлович давал мне возможность познакомиться с деятельностью фармацевтических компаний за рубежом, в том числе с фармацевтическими производствами. Его философией было внедрение лучших мировых технологий в управлении и в производстве. Моей сферой деятельности в нашей компании был финансовый учет и анализ, но видя мою готовность усваивать знания из других областей деятельности, шеф давал мне возможность посмотреть структуру производства и узнать в общих чертах о применяемых технологиях. Как правило, это были предприятия наших партнеров – поставщиков фармацевтической продукции, или фирмы, где наша компания стала совладельцем. Я была очень благодарна своему руководителю, который всегда целенаправленно занимался моим развитием, добиваясь широкого взгляда на поставленные им задачи. Похоже, он видел во мне замену Дмитрию, хотя мы выполняли разные функции в компании, но основным было не это. Валерию Михайловичу важно было иметь рядом надежного человека, крепкого характером, жизнелюбивого, нацеленного на высокие личные результаты, а, значит, на высокие результаты в работе. Похожий подход Валерий Михайлович старался применять ко всем членам исполнительной дирекции.

При реализации проекта на фармпредприятии специалисты «Юкки» должны были выступать отчасти как аудиторы – их рекомендации по оптимизации процессов могли восприниматься руководством и сотрудниками предприятия как объективные, вызывая наименьшее отторжение в отличие от императивных указаний, которые исходили бы от их новой головной фирмы, то есть от нас.

На проходной фармацевтического завода нас встретил генеральный директор предприятия и два его заместителя. Василий Андреевич, так звали гендиректора, был невысокого роста, лысоватый, простецкого вида мужчина. По своему опыту я знала, что по такой внешности мало что прочитаешь, но изначально настроила себя к нему хорошо, ведь если он нормальный руководитель, то наше дело ему помочь. Василий Андреевич был внимателен и привет-

лив, при этом не лебезил, за что я поставила ему первый плюс. Нас одели в белые халаты и бахилы, чтобы провести по цехам, при этом в два цеха, где шло непосредственное изготовление лекарственных препаратов, все равно не пустили, потому что там могли находиться только так называемые декретированные сотрудники – по аналогии с пищевым предприятием. Заместитель директора по производству подробно комментировал все, что происходило в цехах, было видно, что он профессионал. Валерий Михайлович встречался несколько раз с руководителями этого предприятия и успокоил в отношении сохранения их занятости. Второй заместитель отвечал за экономику и контролировал сбыт продукции. Он был единственным, кто заметно нервничал, возможно, потому, что мы собирались воздействовать на ту сферу деятельности предприятия, за которую отвечал он. Часа два у нас ушло на просмотр компьютерных программ, которыми пользовалась бухгалтерия и экономисты. В части бухучета все было довольно примитивно, но работало нормально. А вот программы экономистов представляли собой жалкое зрелище, по сути дела, их единственной функцией был подсчет затрат по каждому из производимых лекарственных препаратов.

Игорь Васильевич расспрашивал сотрудников, точнее сказать, интервьюировал и вел записи по их ответам. Его задачей было определить этапы введения информации в программу для функционирования системы контроля над затратами. Другой частью программы был контроль этапов сбыта продукции. Я присутствовала при интервьюировании, и мы делились своими соображениями. Спустя пять часов после приезда на предприятие, мы распрошались с гендиректором, и вышли за проходную.

– Дарья Сергеевна, не откажите в возможности пообедать с вами. Мы могли бы обменяться мнениями относительно дальнейших действий на предприятии, – попросил господин Федосеев.

– Хорошо, только давайте постараемся уложиться в один час, – ответила я. Предложение Игоря прозвучало для меня как награда за мучения в течение предыдущих двух недель.

– Прекрасно. Остановимся тогда возле ресторана, где вы нас ждали по дороге на предприятие.

Спустя пятнадцать минут мы сидели в уютной прохладе хорошего ресторана и пили апельсиновый сок, дожидаясь своего обеда. Игорь Васильевич задал мне несколько вопросов о работе, после чего неожиданно начал рассказывать о себе: как давно он работает в «Юкке», где он работал до этого, какое у него образование. Оказывается, он долго служил в армии, и теперь я поняла, откуда у него офицерская выправка. У меня вдруг появилось чувство, что несколько дней мне сильно хотелось поймать огромную рыбу, но я еще не попыталась это сделать, а рыба сама решила приплыть ко мне, и вот сейчас как раз это делает.

Игорь рассказывал о сыновьях, очень коротко о жене. Старший сын учился в институте, младший в школе, жена вела домашнее хозяйство. Игорь коснулся в своем рассказе даже родителей и детства. Я внимательно слушала, ловя не только смысл, но по большей части интонации, оттенки интонаций – они давали больше информации, чем слова.

Поначалу я удивилась тому, что же заставило Игоря Васильевича откровенничать со мной. Поскольку других идей у меня не было, вспомнила прочитанное недавно объяснение этому явлению, что когда встречаются так называемые «кармические партнеры», у них возникает потребность рассказать о себе. Люди, которые знали друг друга в предыдущей жизни, хотят дать своему бывшему знакомому отчет о том, что успели сделать в этой жизни, до момента встречи. Защитить эту теорию очень трудно, но, пожалуй, она лучше всего объясняла то, что побуждало Игоря Васильевича столь открыто говорить о себе. Возможно, он тоже пережил что-то особенное при знакомстве со мной. В любом случае, было трогательно с его стороны так доверчиво рассказывать о событиях своей жизни, словно желая объяснить мне, что он стоящий человек и ему можно доверять. Так у меня появилась возможность начать свое реальное знакомство с Игорем.

Игорю было сорок шесть лет – на девять лет старше меня. Отец его был геологом, которому довелось заниматься геологической разведкой в дружественных СССР странах Африки и Азии, мама ездила в командировки вместе с мужем. Игоря в детстве по большей части воспитывала бабушка, вместе с которой он жил в ее квартире в центре Москвы. В юности, гуляя на улице, как многие его сверстники, он в чем-то смахивал шпану, что не мешало ему хорошо учиться в школе и потом поступить в военно-инженерное училище. Сразу по окончании училища он женился на девушке из параллельного класса и еще через год родился их старший сын. Стремление выделяться на службе сделало свое дело, и Игорь был допущен к разработке и проектированию новейшей на то время вычислительной техники. Процесс развития мировых компьютерных технологий шел тем временем своим чередом, а резкое сворачивание программ развития военной техники в период пост перестройки сформировало у него решение прекратить службу в армии и начать, наконец, зарабатывать нормальные деньги «на гражданке». Тем более, это стало актуальным в связи с рождением второго ребенка в семье, тоже мальчика. Игорь начал заниматься поставками персональных компьютеров в Россию из-за рубежа, что ему удалось и позволило практически сразу заработать хорошие деньги. Кроме этого, его кооператив разрабатывал программное обеспечение для торговых и небольших производственных компаний, появлявшихся в начале девяностых, как грибы после дождя.

Рассказ Игоря и сама возможность общения с ним действовали на меня благотворно. Пока мы сидели вместе и обедали, ушел душевный трепет, который измучил меня за последнее время. Наверное, факт приема пищи тоже сказался положительно, ведь я практически не ела последние несколько дней. При этом я знала, что выражение моего лица спокойное, по нему нельзя прочесть моих эмоций – интеллект, как всегда, тщательно их контролировал.

Ближе к концу обеда Игорь спохватился, что не успел узнать ничего толком обо мне.

– Дарья Сергеевна! Обещайте, что при следующей нашей встрече расскажите о себе. Мне это очень интересно, я виноват, что заболтался и не дал вам слова сказать, – извинялся Игорь.

Мы вышли из ресторана ровно через час, как и планировали. Сели в машины и ехали до кольцевой автодороги друг за другом. Вскоре Игорь помахал мне из машины рукой, и мы разъехались каждый в своем направлении. Моя душа почти пела, ведь я только что разговаривала с ним, слушала его, видела его добрые взгляды. Для меня это было лекарством от душевных мук. Наша следующая встреча и совместная работа с Игорем были запланированы на пятницу – это совсем недолго, успокаивала себя я, всего через три дня.

Муж обратил внимание вечером, что я лучше выгляжу, и почти приобрела прежнюю жизнерадостность. Я пользовалась возможностью пообщаться с детьми – они всегда давали мне положительные эмоции. Столько жизненного оптимизма, как у моего Миши, я не знала ни у кого. Мой младший сын рассказывал мне о событиях в школе, о занятиях с репетитором по математике, о том, какие новые компьютерные игры он видел у своих товарищей. Еще Саша и Миша пересказывали мне школьные анекдоты. В такие минуты я любила становиться такой же, как они, и искренне смеялась то над глупым анекдотом, то над своими забавными детьми. Я понимала, что не имею права показывать детям свои переживания, ни плохие, ни хорошие. Поэтому изо всех сил старалась полностью переключаться на волну общения со своей семьей. Влюбленность в Игоря не мешала испытывать, как и раньше, глубокие чувства к мужу, я не могла бы его оставить ни при каких обстоятельствах. Новая часть моей внутренней жизни и моего общения была насколько возможно отделена мною от остального. Мысли об Игоре включались, когда я оставалась одна.

На работе дела шли, как обычно, нормально. Мы выдерживали весьма интенсивный ритм, который был присущ моему шефу. Трудиться по одиннадцать – двенадцать часов в день давно уже было нашей привычкой, поэтому время летело быстро – я иногда путала, что произошло сегодня в первой половине дня, а что вчера. От «Юкки» я получила материалы с предложениями по этапам учета расходимого сырья в производственных процессах, а также предло-

жения по формированию складов для материально ответственных лиц, которые будут готовить сведения о промежуточных и конечных этапах изготовления продукции. Предложения были изложены очень толково, чувствовалось, что использовался опыт хорошо налаженных производств. Теперь нам следовало донести эти идеи до руководства фармпредприятия и обсудить замечания, если они возникнут. Параллельно руководству предприятия надо будет подготовить новые положения о работе подразделений и внести изменения в должностные инструкции по многим должностям.

Наступило утро пятницы. Мы с Игорем встретились, как и прежде, возле загородного ресторана, любезно поздоровались, он поехал вслед за мной. Я ощущала себя спокойно, хоть и сильно радовалась встрече с ним. Выйдя из машин, мы поздоровались за руки.

– Дарья Сергеевна, вы не волнуетесь по поводу возможного несогласия сотрудников предприятия с нашим проектом?

– У руководства этого предприятия не много вариантов для отношения к этому вопросу. Думаю, они согласятся.

Описание нового программного продукта я заранее выслала генеральному директору Василию Андреевичу по электронной почте, заодно сообщила о дате и времени совещания по обсуждению представленных материалов. Когда мы с Игорем вошли в зал, здесь уже сидели генеральный директор, его заместители, технологи и начальники отделов. Мы начали сразу с вопросов со стороны аудитории. Мне приходилось объяснять, почему нельзя ограничиться калькулированием затрат. Сотрудники не хотели брать на себя функцию введения информации в компьютерную программу – они ведь раньше этого не делали и ничего, все как-то работало. То, что уровень расхода целого ряда компонентов регулярно колебался, хотя технологии изготовления препаратов по утверждению руководства, не нарушались, никого особенно не волновало. Отсутствие возможности отследить остатки сырья по всем его видам на каждый день также большой проблемой не считалось. Другими словами, было ли воровство на предприятии, и соблюдались ли в ста процентах технологические требования, документально никто подтвердить не мог, но такой целью и не задавались. Недостатки в организации сбыта готовой продукции также большим грехом не считались.

По реакции генерального директора было видно, что он поддерживает меня. Похоже, эту встречу он рассматривал, как возможность нажать на своих сотрудников, чтобы не только он один, но и они тоже почувствовали неотвратимость изменений на предприятии. После меня на вопросы присутствующих в зале начал отвечать Игорь. Он несколько раз не поддался на попытки вывести его из себя, более того, старался мягко шутить с теми, кто вел себя агрессивно. Было видно, что профессионально он ощущает себя очень уверенно, а как человек не стремится, во чтобы-то не стало, навязать свою точку зрения, готов ее терпеливо разъяснять и доказывать. Я всегда считала, что это положительное качество характерно для ученых и преподавателей.

По результатам двухчасовой встречи можно было констатировать, что нам удалось убедить большую часть менеджеров предприятия в том, что иметь полностью прозрачную и ясную деятельность более выгодно в первую очередь им самим. Кроме прочего, это лучшая защита, когда для любой проверки в текущем режиме времени будет готова необходимая информация.

Мы оставили задания для следующего этапа работы – по каждому отрезку технологической цепочки было необходимо сделать подробный список расходных материалов и предоставить нормативы по их расходу. Кроме этого, надо было указать те этапы производства, которые предполагали складирование и хранением промежуточной продукции. Для помощи в этой работе на предприятие несколько дней подряд будут приезжать трое специалистов из фирмы «Юкка». Собранный таким образом и структурированная информация позволит адаптировать программный продукт «Юкки» к задачам именно этого фармацевтического предприятия.

Василий Андреевич, генеральный директор, проводил нас до проходной, несколько раз извинился за то, что обсуждение было бурным. Я заверила его, что при поддержке с его стороны, мы с этим проектом обязательно справимся, и крепко пожала ему руку.

Выйдя за ворота, я поймала на себе теплый и явно одобрителный взгляд Игоря.

– Вы, оказывается, умеете воздействовать на аудиторию, Дарья. Мне было очень приятно это видеть, – Игорь незаметно опустил мое отчество.

– Спасибо на добром слове, Игорь Васильевич.

– Я уже несколько дней ждал возможности с вами вместе пообедать. Вы ведь не откажетесь?

– Да нет, я тоже голодна, поедемте, – в моем ответе прозвучала скрытая ирония, которая присуща стилю моего общения. Я не сочла нужным отменять ее в общении с Игорем, так как считала правильным оставаться самой собой, хоть и зависела сейчас от него эмоционально.

Через пять минут мы сидели в уютном зале ресторана и пили сок перед обедом. Я имела возможность спокойно разглядывать и анализировать мимику, взгляды и слова Игоря. В такой ситуации я чувствовала себя вполне уверенно и спокойно – объект моего интереса сидел напротив, если разобраться непредвзято – ничего необыкновенного собой не представлял. Да, и на совещании в течение двух часов я имела возможность непрестанно его разглядывать и анализировать. Когда Игорь был рядом, я не испытывала к нему того непреодолимого влечения, которое появлялось в периоды его отсутствия. Прежде, имея редкую возможность видеться с Юрием, я ловила себя на такой же мысли. Видимо, реальный человек, в которого ты влюблена, невольно показывает свое отличие от того прекрасного образа, который ты носишь в своем сознании и к которому так сильно бываешь привязана. Я не обольщалась и в обратном. Стоит нам расстаться, я обязательно буду мучаться от невозможности видеть Игоря. Оставалось и дальше пытаться сканировать его личность, чтобы понять, что в нем мое, что так привлекает, а что чужое, и в какой мере это чужое может явиться препятствием в общении с ним. Можно ли ему доверять, способен ли он любить и на что будет готов ради меня? Любовь отпетого эгоиста или бесчестного человека не способна принести счастье. А Игорь эгоист или нет?

Игорь заулыбался, словно догадался о моих мыслях.

– Дарья, вы изучаете меня, как я вижу. Мне это льстит. Помните, в прошлый раз я столько всего рассказал вам о себе? Теперь ваша очередь. Пожалуйста, не отказывайтесь.

– Игорь Васильевич, а почему вам это интересно?

– У меня такое чувство, что я вас давно знаю. Более того, что я все время вас искал и точно знал, что вы есть. Понимаю, звучит так, словно я пытаюсь вас поймать. Но я говорю правду, неужели вы этого не видите?

– Сейчас вижу, – ответила я. Серые глаза Игоря светились таким теплым и глубоким светом, что не было никаких сомнений – он говорит правду. Удивительно, значит и с ним происходит что-то похожее на то, что со мной?

– Игорь Васильевич, вы когда-нибудь слышали о кармических партнерах?

– Да, я читал об этом. Когда я приехал к вам в офис и увидел вас там впервые, меня словно что-то толкнуло. Я не мог отделаться от чувства, что давным-давно вас не видел, хотя близко и хорошо знаю.

Игорь опять открытым взглядом, не пряча своих чувств, посмотрел на меня. Затем взял мою руку и прислонил ладонью к своему лицу и губам.

– Простите, Даша, если я испугал вас.

– Нет, не испугали. Могу сказать, что с момента нашего знакомства мое внимание тоже сильно приковано к вам. Вы сами боитесь этой ситуации Игорь Васильевич?

– Наоборот, я счастлив, Даша. Мучаюсь от желания увидеть вас, но все равно счастлив, словно опять очутился в юности.

– Вы готовы слушать обо мне?

Игорь молча кивнул в ответ. Я стала рассказывать, начиная с детства, о том, какой была и к чему стремилась. О своем первом браке, о сложном рождении первого ребенка. Про Юрия сказала несколько слов. Рассказала о своем знакомстве с Виктором, о нашей семье, о Мише. Рассказала о своей работе, и что моему становлению помог Дмитрий. Не стала скрывать, что хочу профессионально развиваться и буду стремиться к более высоким должностям в будущем.

Когда я замолчала, Игорь еще раз взял мою руку и прислонил к своей щеке.

– Спасибо, Даша. Вы можете меня тоже называть просто по имени? Зовите меня Игорь, пожалуйста.

Пока мы обедали, у меня росло ощущение, что теперь мы с Игорем открыты друг другу. Как наши отношения будут складываться, сколько они продлятся, было неясно, но и не имело большого значения. Все больше в душе крепло чувство радости от того, что пришло спасение. Океан мучений и сомнений отхлынул, под ногами обретается плотная поверхность, на которую следует ступить и познать новое в своей жизни.

Мы вышли из ресторана, Игорь проводил меня до машины и спросил, хочу ли я, чтобы он приехал ко мне на работу в понедельник вечером и предложил, чтобы мы погуляли хотя бы час вместе. Я ответила, что буду ждать его ровно в семь вечера. На прощанье Игорь еще раз поцеловал мою руку.

– Поезжайте, Даша, я делаю над собой большое усилие, чтобы вас отпустить. До понедельника.

Я ехала в наш офис с чувством полного счастья. Неужели такое могло произойти? Игоря ко мне тянет на таком же канате, как и меня к нему. Он говорил, что по своим ощущениям давно меня знает. А у меня такое чувство было? Нет, просто я с первой встречи заволновалась, как только его увидела. В тот первый момент я не могла еще его любить, но интуиция кричала мне, что не смогу пройти мимо него, что он мне необходим. Ну, а что теперь, становиться любовниками и жить двойной жизнью? А сейчас я не живу двойной жизнью? Что не происходило бы со мной, Виктор и мои дети остаются для меня на первом месте, но в состоянии ли я сейчас отказаться от Игоря? Нет, не могу. Если нам суждено соединиться, пусть так оно и произойдет, отказаться от этого упоительного чувства было выше моих сил.

Выходные прошли, как обычно на даче. Вечером в воскресенье я особенно тщательно выбирала, что мне следует надеть в понедельник на работу. Остановилась на темно-синем платье в белый горошек с широким темно-синим поясом. Одев его утором, я надела к нему бусы в несколько ниток мелкого жемчуга. Их когда-то подарил мне Дмитрий – бусы были от дорогой швейцарской фирмы, с замочком в виде большого золотого шарика. На руку надела жемчужный браслет – я не сомневалась, что образ получился вполне романтичный, мне было важно самой это осознавать. Игорю, видимо, я нравилась и в деловой одежде. Как топ-менеджер компании я тщательно выдерживала дресс-код, практически всегда носила деловые костюмы с брюками или юбками. Но в день первого свидания с Игорем мне хотелось быть в той одежде, которая соответствовала моему настроению.

На работу я приехала как всегда на сорок минут раньше, сделала макияж и выпила кофе. Потом сделала справку для Валерия Михайловича о состоянии дел с проектом внедрения управленческого учета на фармпредприятии, проверила выполнение текущей работы своими сотрудниками. Во второй половине дня меня вызвал шеф, и я доложила ему о результатах вчерашнего совещания на заводе и о том, что будет выполняться в ходе ближайшего этапа работы. Он внимательно слушал, а затем расспрашивал, что говорил каждый из менеджеров предприятия и что я о каждом из них думаю. Валерий Михайлович, как всегда, складывал свою картину и тщательно ее анализировал, жаль только, что никогда этого не делал вслух, а то мне было бы чему поучиться. Сказал, что генеральный директор благодарил его за вчерашнюю проведенную с членами его коллектива встречу. Очень хорошо обо мне отозвался, так как моя убедительность сильно повлияла на настроение его сотрудников, и выразил надежду, что я буду и дальше

часто бывать на предприятии. На протяжении долгих лет работы я хорошо выучила реакцию Валерия Михайловича на случаи, когда меня хвалили, для него это был елей на душу, словно хвалили его самого. Но пересказывать каждый такой случай он мне не стремился. Видимо, считал, что для меня самая дорогая похвала должна быть от него как от руководителя, а чужие похвалы могли меня только испортить.

– Даша, вы сегодня особенно нарядны и красивы. У вас какой-то особенный повод? – спросил в конце нашего разговора Валерий Михайлович.

– Основная причина для моего платья – это лето, Валерий Михайлович. Вы полагаете, что мне не следует так одеваться?

– Одевайтесь на здоровье, Даша. Вы еще так молоды и красивы, что не обязаны все время прятать свою красоту за деловыми жакетами.

Валерий Михайлович вышел из-за стола, чтобы проводить меня до двери, как он это делал почти всегда. На прощанье он по-отечески слегка похлопал меня по плечу.

– Даша, берегите себя. Если нужна какая-то помощь, скажите.

Эту фразу можно было отнести как к работе, так и понять в широком смысле. Я посчитала правильным, ассоциировать ее с работой.

– Спасибо, Валерий Михайлович, обязательно.

За многими делами и двумя совещаниями с руководителями других служб незаметно пришел вечер. Я немного волновалась о том, что и как будет происходить. В том, что Игорь приедет, у меня не было сомнений. Ровно в семь вечера раздался телефонный звонок от него.

– Даша, добрый вечер, я приехал и стою на улице слева от вашего здания. Вы поедете со мной или на своей машине?

– Игорь, здравствуйте. Я поеду на своей машине, следом за вами. А куда мы едем?

– Поедемте на Воробьевы горы, к университету. Там длинные красивые аллеи, которые мне очень нравятся. Вы не против?

– Хорошо, я сейчас выхожу и подъеду к вам на машине.

Я воспользовалась своими любимыми духами с запахом лимона и тропических цветов, но лишь слегка, распылив их издалека, как я это обычно делала. Сильный запах духов, даже самых лучших, воспринимается противоестественно и поэтому вульгарно.

На удивление, я совсем перестала нервничать. Села в свою машину, завела ее, неторопливо выехала на улицу, где меня ждал Игорь. Он помахал мне рукой через стекло, после чего я поехала вслед за его машиной. Процесс езды за мерседесом Игоря приносил мне удовольствие сам по себе, потому что давал предвкушение встречи, предвкушение счастья от общения с тем, к кому недавно я так мучительно стремилась.

Через пятнадцать минут мы были на стоянке на одной из аллей рядом с Московским университетом. Игорь быстро вышел из своей машины, подошел к моей, открыл дверь и подал руку, чтобы помочь выйти.

– Здравствуйтесь, еще раз, Даша. Спасибо, что не передумали и что приехали сюда со мной.

– Здравствуйтесь, Игорь. Я не нарушаю своих обещаний.

Закрыв машины, мы пошли вниз в сторону холмов.

По Игорю было видно, что он немного нервничает.

– Игорь, у вас все в порядке? От чего вы волнуетесь?

– Даша, я и не мог бы реагировать иначе. У меня не каждый день бывают встречи с женщиной, которую я ждал всю жизнь. Я ведь говорил вам уже, что долгие годы чувствовал, что вы существуете, чувствовал, что когда-нибудь вас встречу, хоть не знал, когда именно. Я понимаю, что лучше бы мне этого не говорить, а то звучит слишком странно. Но я доверяю вам, поэтому и говорю.

Игорь осторожно взял меня за руку, слегка сжал мою ладонь. Дальше мы шли, держась за руки.

– Не могу удержаться, чтобы не похвалить ваше платье. Оно необыкновенно вам идет. Просто нельзя представить, что бывает кто-то красивее, чем вы сейчас.

– Спасибо, Игорь. Можно спросить, вы с первой нашей встречи начали думать обо мне?

– Правильнее сказать, что с первой нашей встречи я постоянно думаю о вас. Я постоянно стремлюсь к вам, временами просто тоскую. А что вы ко мне испытываете, Даша?

– Игорь, это сложно определить однозначно. Действительно, я с первого раза поняла, что вы представляете собой что-то особенное. Меня это не обрадовало, скорее встревожило. Потом, встречаясь с вами, я каждый раз силилась понять, что же в вас такого необыкновенного, что заставляет все время о вас думать. Надеюсь, вы понимаете, что эта ситуация мне вдвойне непроста. Я замужем, у меня прекрасная семья, а мои эмоции идут в разрез с интересами моей семейной жизни.

– Спасибо, что сказали мне о своих чувствах, Даша. Ваши сомнения я прекрасно понимаю. У меня ведь тоже есть семья, причем мои отношения с женой не самые простые, и я стараюсь жить так, чтобы сохранять семью. Но я абсолютно уверен, что даже эти обстоятельства не могут становиться преградой между нами. Если нас так сильно тянет друг к другу, то мы должны быть вместе.

Игорь остановился близко от меня, прижал к себе за плечи обеими руками осторожно, но крепко. Его глаза смотрели в мои, я видела в них любовь, ничего кроме бездонной сияющей любви. Его губы осторожно прикасались к моему лицу, словно он боялся превысить дозу эмоций от поцелуя, чтобы не потерять контроль над собой. Наконец, его губы накрыли мои, и язык проник в мой рот. С этого момента в нас вибрировала энергия, которая перетекала от меня к Игорю и от него ко мне. Я чувствовала эту энергию животом, сердцем, горлом, чем-то над головой. Мы были почти одним существом, самозабвенно слившись в поцелуе. Спустя какое-то время, мы вернулись в себя после забытья. Это было ни с чем несравнимо, наверное, продлись наш поцелуй дольше, можно было бы потерять сознание.

Мы молча пошли по аллее. Людей вокруг нас не было, только машины время от времени проезжали мимо по дороге. Игорь иногда останавливался, чтобы посмотреть на меня. Иногда привлекал к себе и целовал в лоб или в щеку. Потом мы заговорили на разные, ничего не значащие темы. Нам было так хорошо вместе, что нарушать эту гармонию и это ощущение счастья не хотелось ничем серьезным. Не сговариваясь, тему о его и моей семье мы оставили на потом. Будучи взрослыми и достаточно опытными людьми, мы словно защищали то ценное и прекрасное, что было между нами, именно оно, я затруднялась однозначно это определить, заслуживало сейчас такого отношения. Еще я ощутила, что идеальный образ, который возник как мое восприятие Игоря, когда я о нем думала и о нем мечтала, слился с его личностью. Возможно, какие-то черты этого идеального образа изменились или утратились, но это было неважно. Теперь я знала самого Игоря, знала, что он меня любит, поэтому доверяла ему и хотела любить его не как абстрактный образ, а как человека, то есть таким, какой он есть на самом деле.

Кроме того, мы оба желали радости. Давно не испытывая яркого чувства любви, теперь мы начинали ощущать прилив необыкновенной, всеобъемлющей радости, которая охватывала весь мир вокруг нас.

– Ты знаешь, Даша, я почему-то особенно ждал этого лета. Зимой мне было как-то грустно, не хватало солнца. Теперь я вижу, насколько все прекрасно вокруг. Прекрасней, чем когда-либо. Посмотри, какая сочная зелень на деревьях, какое здесь вообще необыкновенное место.

– Игорь, это мы с тобой так поменялись изнутри, что смогли увидеть красоту мира вокруг себя. Раньше смотрели на все то же самое, а яркости и красоты не ощущали. Ты так не думаешь?

– Да, так и есть. Только любовь дает возможность увидеть все в истинном свете. Многие люди ходят, словно слепые, как и мы сами до этого, и считают, что это норма.

Мы шли, держась за руки. Не спеша, дошли до смотровой площадки и глядели на растилающуюся перед нами Москву, потом, отойдя в сторону, долго упоительно целовались. Невольно я тестировала Игоря, возбуждается ли он сексуально, но как поняла, он оставался в этом плане спокойным. Игорь почувствовал мой вопрос и посчитал нужным сразу прокомментировать его.

– Даша, я целую тебя так, потому что люблю тебя. Для меня великое счастье обнимать и чувствовать тебя. Я не стану предлагать тебе сексуальных отношений до той поры, пока ты этого не захочешь. Я считаю, что только при ощущении полной любви к мужчине женщина может вступать с ним в половую связь. Я не буду тебя с этим торопить, а буду ждать, пока ты сама мне об этом скажешь.

Мы гуляли почти два часа. Потом договорились, что встретимся через день, в среду. Откладывать наше свидание на более отдаленный срок мы были не в состоянии.

Свободные дороги в вечернее время позволили быстро доехать до дома. Виктор спросил, было ли у меня много работы, имея в виду то, что я задержалась. Я сказала, что пока идет проект, мои задержки возможны довольно часто. Муж видел, что я в хорошем настроении, поэтому посчитал, что у меня все в порядке и расспрашивать больше не о чем.

Вторник пролетел в текущей работе и совещаниях. Игорь звонил мне днем, чувствовалось, что ему меня не хватает. Предложил, чтобы мы завтра заехали ненадолго посидеть в уютном кафе, где есть живая музыка. Следом пришла долгожданная среда. На сей раз я не одевала ничего специального, на мне был мой легкий летний костюм серого цвета с небольшим блестящим отливом. Он смотрелся на мне вполне элегантно и очень мне нравился. Игорь позвонил, как и в прошлый раз, ровно в семь вечера.

– Даша, здравствуй. Я с нетерпением жду тебя там, где в прошлый раз.

Я быстро вышла из здания, подъехала к месту, где стояла машина Игоря. Через несколько минут мы были возле кафе, в котором в вечерние часы звучала фортепьянная музыка. В центре небольшого зала на подиуме стоял рояль, а столики для посетителей стояли вокруг подиума в два ряда таким образом, что столы по внешнему кругу были помещены в ниши, а возле них в углублениях стояли полукруглые мягкие диваны. Это позволяло сидеть так близко друг к другу, как только хотелось, при этом не быть на глазах у остальных посетителей. Официантка подвела нас к одной из таких ниш. Со словами, что здесь нам будет очень уютно, предложила меню.

– Игорь, я буду только чай и яблочный штрудель. Я очень люблю штрудели, а в этом кафе их правильно готовят. Можно сказать, как в Вене.

– Ну ладно, не хочешь есть, не ешь. А я буду пасту с морепродуктами. Вкусно ужасно, может быть, тебе тоже захочется. Даша, как ты считаешь, мы с тобой можем пригубить белого сухого вина? За время, пока мы здесь пробудем, два-три глотка уж точно переработаются организмом.

– Ладно, давай выпьем, только, как ты сказал, два глотка.

Игорь специально сел за столом так, чтобы его нога прижималась к моей.

– Даша, ты позволишь мне так сидеть? Я все время хочу максимально тебя ощущать. Если бы я мог, то посадил бы тебя к себе на колени, но здесь это неприлично.

– Сиди, если так хочешь. А как же с твоим обещанием на счет сексуальных намерений?

– Я прекрасно помню, что сказал. Так оно и будет. Но это не значит, что у меня нет мужских желаний, да еще к такой притягательной женщине, как ты. Я то и дело вспоминал о наших с тобой поцелуях. Я уже стал бояться, что по моему блаженному выражению лица в такие моменты слишком много видно, поэтому стараюсь не сразу поднимать голову в сторону того, кто входит в мой кабинет.

Игорь притянул меня к себе, быстро и нежно поцеловал в губы. Его правая рука будто бы случайно прошла по моей груди.

– Даша, я так счастлив с тобой и буду делать все возможное, чтобы мы были вместе и были счастливы вдвоем.

– Игорь, постарайся быть сдержаннее, я имею в виду в первую очередь твои мысли. Надеюсь, ты видишь во мне человека, который сам распоряжается своей судьбой, и не собираешься что-нибудь делать, не обсудив со мной?

– Нет, ни в коем случае. Мы все будем решать вместе.

Официантка в белом кружевном фартуке принесла наш заказ. Белое сухое вино уже было разлито в большие тонкие фужеры.

– Давай выпьем за нас. За то, что нас связывает и что так неотвратимо привело друг к другу. За любовь, – сказал Игорь.

Мы чокнулись фужерами, отпили по два глотка. Потом не торопясь ужинали. Игорь время от времени рассказывал мне анекдоты и эпизоды из своей жизни на работе.

– Игорь, ты вполне доволен своей должностью и своей работой? Ты генеральный директор в качестве наемного работника или тебе принадлежит часть компании?

– Мне принадлежит чуть более половины компании «Юкка». Помнишь, я тебе рассказывал, что у меня в свое время был кооператив. Я заработал тогда приличные деньги, что и позволило в последующем купить контрольный пакет компании с западным капиталом, которой является «Юкка».

– Тобой можно гордиться, Игорь. Как я понимаю, ты доволен положением дел в своей компании?

– В целом да, хотя всегда хочется чего-то лучшего. По крайней мере, это дает возможность достойно жить. Как мы жили при отсутствии нормального достатка, я еще не забыл, поэтому ценю, что имею. Ты знаешь, Даша, мне очень приятно, что ты относишься к тому немногочисленному числу женщин, которые готовы упираться в своей карьере, готовы братья за новые проекты, тратить уйму времени на работе. К такой женщине любой мужчина изначально не может относиться без уважения – нет базиса для чувства собственного превосходства.

– Удивительное дело, может, ты не догадываешься, но я довольно часто испытываю чувство превосходства над мужчинами. Другой вопрос, что я его не показываю и считаю, в общем, неважным. К сожалению, очень много таких мужчин, которые провоцируют возникновение этого самого чувства.

Игорь залиvisto рассмеялся в ответ.

– Ну да, как будто я не знал, с кем имею дело. Тебе палец в рот класть нельзя.

– Думаю, карьера, бизнес и жизненный успех не самые простые вещи в жизни. Важно не только быть успешным, но и взвесить, какую цену ты готов платить за свой успех, а какую нет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.